

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

ОДИНОЧКА

ВЫЖИВАЕШЬ КАК МОЖЕШЬ

Фантастический боевик. Новая эра

Ерофей Трофимов

Одиночка

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Одиночка / Е. Трофимов — «Издательство АСТ»,
2021 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-145806-5

Жизнь – странная штука. Вроде выживаешь как можешь. Никого не трогаешь. А однажды вмешаешься не в свое дело и оказываешься непонятно где, да еще не в своем теле. Так случилось и с Матвеем. Инвалид войны в Афганистане не побоялся встать поперек дороги новым хозяевам жизни и был убит. Очнувшись в новом теле, он вдруг понял, что оказался совсем в другом времени. На Кавказе, да еще и в период русско-турецкой войны. А самое главное, что теперь он родовой казак...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145806-5

© Трофимов Е., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Ерофей Трофимов

Одиночка

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

© Ерофей Трофимов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

– Да когда ж ты уймешься? – еле слышно проворчал Матвей, мрачно оглядывая пузырящиеся от дождя лужи.

В такую погоду дома нужно сидеть, с книжкой и чашкой свежего кофе, но пришлось выползть на улицу. В холодильнике мышь повесилась, а никого другого, кто мог бы решить этот вопрос, у него не было. Вот и пришлось натягивать на себя старую куртку и, проклиная все на свете, устраивать очередной аттракцион по спуску инвалидной коляски по узкому лестничному пролету. Благо жил он в старой родительской однушке на втором этаже. Жена, узнав, что он стал инвалидом, быстренько собрала манатки и, сообщив, что еще молодая и желает жить полной жизнью, исчезла.

Хорошо хоть детей с ней не прижили. Родители ушли тихо, словно не хотели его беспокоить. Обоих не стало во сне. Так и остался он один, в старой родительской квартире. Спиральный со службы безногий инвалид. И только характер и привычка драться до последнего не дали ему опустить руки и спиться. Наоборот. На свою скудную пенсию он умудрился сделать в квартире ремонт. Пусть косметический, но хоть что-то. И даже со временем приобрести старенький компьютер.

Сослуживцы не забывали, грех жаловаться, но и у них было все не так радужно и весело, так что визиты становились все короче, а звонки все реже. Но Матвей их понимал. У всех семьи, дети, а на дворе бушующий девяносто пятый год. Кто работает, кто бандитствует, а кто вообще за кордон подался в поисках лучшей доли. Ему же ехать было некуда. Родился в Питере, окончил тут военное училище и сюда же вернулся после выписки из госпиталя.

Так и жил. День-ночь, сутки прочь. По привычке поднимался в шесть утра, умывался, тягал гантели и гирию до пота, а потом решал свой вечный вопрос – чем заняться. Найти работу на дому инвалиду в нынешних условиях задача невыполнимая. Тут и здоровому-то устроиться некуда, а уж безногому... Ладно хоть пенсию, хоть и крошечную, но платят, даже почти регулярно. Еще бы цены на коммуналку не росли словно грибы, и вообще хорошо.

С этой мыслью Матвей решительно взялся за дуги на колесах кресла и выкатился из магазина. Пакет с покупками был заботливо завернут и сунут под бок. Не хотелось потом есть все мокрым. Натянув капюшон поглубже, он выкатился на тротуар и направил коляску к светофору. Дождь, словно услышав его мысли, начал стихать. Остановившись на переходе, Матвей нашел взглядом светофор, дожидаясь зеленого сигнала, когда к тротуару стремительно подлетела роскошная иномарка.

У перехода, на проезжей части, скопилась большая лужа, так что ездоки, видимо, решили не портить свою роскошную обувь. Вставшая на «зебре» иномарка разбрызгала лужу, и пешеходы с руганью подались в стороны. Дверца машины распахнулась, и выбравшийся из салона

молодой парень, с презрительной усмешкой оглядев угрюмо ворчавший народ, громко высказался, оглядываясь на выходящих из машины друзей:

– Быдлю совсем обнаглело. Простой воды боится.

– Машину с перехода уберите, – не удержавшись, потребовал Матвей.

– Чего?! – развернулся к нему парень. – Ты на кого пасть открыл, обрубок?

– Я сказал, машину с перехода убери, мажор тупой, – рыкнул в ответ бывший капитан, командир разведроты, участник афганской войны, чувствуя, как от гнева и ненависти кровь ударила в голову.

– Да я тебя сейчас с дерьмом смешаю, шваль подзаборная! – завопил мажор, бросаясь на Матвея с кулаками.

В ответ Матвей только презрительно усмехнулся, глядя на его ужимки. В следующее мгновение, дождавшись, когда противник нанесет удар, он резко пригнул голову и, толкнув коляску вперед, нанес резкий, без замаха, удар в ему в пах. Следующим движением зажав шею парня в локтевом сгибе, он напряг руки, с удовольствием слушая, как хрустят его недоразвитые шейные позвонки.

– Сейчас дерну руками и оторву тебе голову, мразь, – прошипел он в ухо парню, усиливая нажим.

Подбежавшие друзья мажора только и успели, что размахнуться, когда Матвей одним сильным движением корпуса отбросил парня им под ноги и, стремительно развернув коляску, зло усмехнулся, разминая жилистые кулаки с набитыми костяшками пальцев:

– Ну, кто первый, твари? Я таких, как вы, давил и давить буду.

Не ожидавшие такого отпора мажоры растерянно затоптались на месте, не понимая, что делать дальше. Да еще и прохожие начали шуметь, что, мол, на инвалида напали. Помятый Матвеем мажор кое-как поднялся с земли и, со злостью осмотревшись, скомандовал:

– Поехали отсюда. Потом разберемся.

Его приятели, недоуменно переглянувшись, покорно полезли обратно в машину. Взревел мотор, покрышки взвизгнули на мокром асфальте, и машина скрылась за поворотом.

– Чтоб ты столб нашел, сволочь, – проворчал ему вслед Матвей, провожая иномарку взглядом.

Заметив, что светофор давно уже зеленый, он быстро развернул коляску и, с силой проворачивая колеса, пересек проезжую часть. Въехав на тротуар, Матвей свернул к дому, попутно прокручивая в голове всю сцену стычки. Это и дракой-то назвать нельзя было. Так, пистолетометрия. Эти болваны даже драться толком не умеют. Гонору много, а умений ноль. Завяжись все серьезно, и Матвею пришлось бы тяжело. Но не смертельно. Уж что-что, а рукопашке их учили серьезно. Как и стрельбе. Впрочем, как и всему остальному, что имеет хоть какое-то отношение к уничтожению себе подобных.

Получив направление в Афган, он неожиданно вдруг понял, что теперь его жизнь зависит только от его умений, и постарался вспомнить все, чему его когда-то учили. Уже там, за речкой, он сошелся с парнями из спецназа ГРУ и попросился к ним на тренировки. Опытные бойцы, отлично понимая, что именно руководит молодым старлеем, согласились. И только сойдясь в спарринге с одним из них в первый раз, Матвей понял, как мало знает и умеет.

Его почти двухметровую тушку весом за центнер швыряли по площадке, словно мешок. После первой тренировки он до своего расположения еле ноги донес, но уже на следующий день снова пришел. Так и пошло. Если парни были не на выходе, а его рота не получила очередной задачи, он тренировался с ними словно проклятый. В общем, чтобы справиться с ним, тройки мажоров, которые ничего тяжелее ложки в руках не держали, было маловато.

Погрузившись в собственные воспоминания, Матвей свернул в подворотню, не обратив внимания, как из-за куста, тихо урча мотором, выкатилась иномарка. Прокатившись через двор, Матвей объехал детскую площадку, от которой давно уже остались одни воспоминания

и перевернутые местной гопотой качели, и направил коляску к своему подъезду. Рев мотора за спиной заставил его чуть вздрогнуть и резко рвануть руки в разные стороны, разворачивая коляску.

Теперь сильно крутануть колеса вперед и загнать ее на высокий поребрик, но мощный удар в бок отбросил его в сторону. Уже катясь по мокрому асфальту, Матвей краем глаза заметил знакомый автомобиль и, прикрывая голову руками, успел подумать: «Зря расслабился».

Дальше последовал еще один удар, и навалилась темнота.

* * *

Было душно, страшно хотелось пить, а еще почему-то жутко болело все. Даже то, что давно уже болеть не может. Матвей попытался вздохнуть, но грудь словно обручем сдавило. Попробовал подать голос, но из глотки донесся только еле слышный, хриплый сип. Решил пошевелиться, преодолевая боль, уж к ней-то ему было не привыкать, но руки отказывались повиноваться. И вот тут ему стало действительно страшно. Страшно по-настоящему. До дрожи, до икоты, до истерики. Страшно так, что все его сознание, точнее, его остатки, сжалось до одной маленькой точки.

Потом снова навалилось беспмятство. Матвей не знал, как долго оно продлилось. В следующий раз очнулся он от чых-то осторожных прикосновений. Не открывая глаз он попытался понять, что происходит, и снова появилась боль. Тупая, ноющая, та, которая выматывает нервы и доводит до иступления. А еще дико хотелось пить. Во рту было сухо, словно он опять оказался там, за речкой, под палящим южным солнцем. Содрогнувшись от воспоминаний, Матвей принялся прикусывать кончик языка.

Этому приему его когда-то научили парни из спецназа. В обычной обстановке этот прием работал, но в этот раз все пошло не так. Да и язык казался не давно знакомым органом тела, а чем-то чужеродным. Словно во рту вместо него находился кусок старой подошвы сапога. Сквозь тихий звон в ушах Матвей расслышал какие-то звуки, а потом ему в губы осторожно ткнулся какой-то предмет. Вслед за тычком в раздвинутые губы тонкой струйкой полилась вода.

Захрипев пересохшим горлом, он принялся жадно глотать эту прохладную, восхитительно вкусную жидкость, мечтая только об одном – чтобы воду не отобрали. Впитав все, что дали, буквально всем своим существом, он попытался пошевелиться, но снова ничего не получилось. Ко всему прочему в животе появилась какая-то противная нутряная дрожь. Стало зябко, словно он из пустыни в одно мгновение перенесся на север. И почему-то снова усилилась боль.

Сознание отключилось разом, как будто кто-то повернул рубильник. Что было дальше, Матвей даже не пытался вспоминать. Бесполезно. Он раз за разом приходил в себя и, едва успев глотнуть воды, которую ему кто-то подавал, снова отключался. А потом случилось что-то вообще непонятное. В один из таких моментов, когда он снова отключился, его сознание вдруг начало работать само по себе. Как объяснить это точнее, Матвей не понимал. Знал только, что какая-то часть его мозга, отключившись от всего внешнего мира, принялась что-то делать.

Анализировать, обдумывать, лечить, что называется, выбирай на свой вкус, но это часть сознания работала. А вот потом начался вообще какой-то кошмар. Все его существо, его «Я», его эго, черт знает, как оно там правильно называется, начало тянуть, разрывать, разбивать на кусочки, а потом снова сшивать и скреплять в каком-то другом порядке. И это снова было очень больно.

Больнее даже, чем в тот момент, когда он попал под разрыв минометной мины и, придя в себя, понял, что ног у него больше нет. И тут Матвею стало страшно по-настоящему. Страх, который он испытывал до этого, казался теперь чем-то недостойным внимания. Где-то в глу-

бине души он вдруг понял, что вот-вот потеряет себя самого. То, что делало его человеком, мужчиной. И в Матвее разгорелась злость.

Прошедший огонь и воду боевой офицер каким-то неизведанным доселе чувством понял, что если не начнет бороться, то исчезнет. Навсегда. Так, словно его никогда и не было. Обретя силы именно в этом гневе, он заставил себя собраться и принялся восстанавливать свое сознание, самого себя в обратном порядке. Как? Если бы он сам понимал. Он просто каким-то чутьем угадывал, что вот эти фрагменты нужно соединить вот с этими, а вот этот кусочек мозаики уложить вот сюда.

Сколько это продолжалось, он не знал. Да и не интересовался. Сосредоточившись на этой борьбе, он забыл обо всем. В какой-то момент, когда все кусочки разорванного сознания вдруг сложились, где-то в мозгу полыхнула яркая вспышка, и он снова отключился. Последнее, что отложилось в памяти, сплошная серая дымка, в которой где-то далеко мерцает теплый оранжевый огонек. Словно костер в тумане.

Очередное пробуждение оказалось почти нормальным. Сначала появились какие-то звуки. Потом сквозь сжатые веки пробился свет. А еще через какое-то время он вдруг понял, что чувствует свое тело. С огромным трудом разлепив непослушные, словно резиновые губы, Матвей попытался облизать их языком, но понял, что это будет бесполезным телодвижением. Во рту снова было сухо, словно в пустыне.

Послышался какой-то новый звук, и рядом с ним кто-то тихо охнул. Потом в рот снова полилась вода. На этот раз все прошло гораздо приятнее, а главное, спокойнее. Он не захлебнулся и не облился, как это уже бывало. Сообразив, что чувствует себя намного лучше, чем в прошлые свои пробуждения, Матвей осторожно вздохнул и попробовал открыть глаза. Дрогнув, веки медленно раздвинулись. Сначала ничего, кроме слез и рези, он не получил.

Свет ударил по зрению, словно тренированный кулак. Даже голова закружилась. Но потом глаза адаптировались, и что-то начало проясняться. Первое, что он увидел, стена. Шершавая, беленная известью. Такие он видел в деревнях на Кавказе. Еще не понимая, что видит, он скосил глаза в сторону и едва не вскрикнул от удивления. Окошко. Распахнутое. С широким подоконником. Небольшое, в четыре куска стекла размером примерно тридцать на тридцать сантиметров.

А самое главное, ставни за ними. Вот тут ему снова стало не по себе. Ведь Матвей точно помнил, что катил домой, когда на него налетела иномарка мажора. А тут вдруг деревенская изба. Точнее, хата. Да еще и из тех, что в горных селах на Кавказе строят. Взяв себя в руки, Матвей перевел взгляд на другую сторону и, увидев шерстяной ковер у места, где лежал, окончательно впал в ступор. У него такого ковра точно никогда не было.

Между тем надоедливый звон в ушах начал стихать, и он сумел различить звуки обычной домашней деятельности. Где-то там, за стеной, кто-то гремел посудой и постукивал ножом по деревяшке, явно что-то нарезаю.

«Мать твою! Где я?» – охнул про себя Матвей, окончательно запутавшись.

Словно в ответ на его вопрос к его лежищу подошла пожилая женщина в платке, появанном так, чтобы открытым оставалось только лицо, и, осторожно погладив его по голове, тихо спросила:

– Водички еще дать, Елисеюшка?

– У гм, – только и смог кивнуть Матвей, не зная, как на это реагировать.

Женщина принесла глиняную кружку и, напоив его, тяжело вздохнула, поднимаясь.

– Скорей бы уж отмучился, болезный, – тихо прошептала женщина, истово перекрестившись. – За что ж дитяти муки такие?

«Кто отмучился? Я отмучился? – возмутился про себя Матвей. – Да я еще тебя переживу, ворона старая! И кстати, почему Елисей? И почему дитяти? Блин, что тут вообще происходит?!»

Додумать свою мысль он не успел. Глаза сами собой закрылись, и он просто уснул. Спокойно и без всяких сновидений. Первое, что Матвей понял, проснувшись, снова был день. Прислушавшись к себе, он вдруг сообразил, что начинает оживать. На этот раз он проснулся без болей, резей и звонов. Сам. Спокойно. Да, была дикая слабость. Да, при каждом вздохе в груди что-то хрипело и kloкотало, а глаза в глазницах двигались словно со скрипом. Но он был все еще жив, даже чувствовал себя лучше, чем прежде. Даже мысли в голове были ясными.

«Неплохо бы попить», – подумал Матвей, пытаюсь повернуть голову, чтобы рассмотреть давешнюю старушку.

О ее присутствии где-то неподалеку он догадался по уже знакомым звукам. Негромкие шаркающие шаги подсказали, что она вошла в его закуток. Подойдя к лежанке, женщина развернулась всем телом и, склонившись, удивленно улыбнулась.

– Живой! – перекрестилась она. – Царица небесная, неужто выходила кровиночку! Елисеюшка, чего тебе принести? Водички, али поснидать чего хочешь? – спросила она, снова наклонившись к нему.

– Пить, – собравшись с силами, просипел Матвей.

– Ох ты ж господи, сей момент споровую, милый, – засуетилась женщина, выскакивая из дома.

Спустя минуту она поила его восхитительно вкусной, холодной водой из все той же глиняной кружки. Напившись и почувствовав, что стало еще лучше, Матвей отдышался и, сфокусировав взгляд на старушке, еле слышно спросил:

– Где я?

– Ох ты ж господи, никак не признал меня, внучок? – охнула женщина.

– Нет, – набравшись наглости, признался Матвей.

– Ой, горяшко, – всхлипнула старушка. – Так в дому ты моем, Елисеюшка. А я бабка твоя единокровная. Степанида. Неужто не помнишь ничего?

– Не помню, – выдал из себя Матвей, только усилием воли заставив себя не завопить во весь голос, что никакой бабки у него уже двадцать лет как нет.

– И то сказать, тебя ж сюда без памяти привезли, – сокрушенно вздохнула старушка. – Думала, уж не выхожу. И батюшку приводила. Он тебя и соборовал, и молитву прочел. Думали, со дня на день представишься.

– Кто привез? – нашел в себе силы поинтересоваться Матвей.

– Так солдаты с дохтуром. В станице энтот, как его, кагрантин ввели.

– Карантин? – насторожился Матвей. – С чего?

– Так тиф был, Елисеюшка. Почитай вся станица вымерла. Моя-то хата у околицы стоит, а ваш дом в середине станицы. Вот они тебя там и нашли, когда померших собирали. Одни мы с тобой остались, внучок. От всего рода одни, – всхлипнула старушка.

– Кто? – прохрипел Матвей, не понимая, с чего вдруг в горле защепаало, а в глазах все начало плыть.

– Так все, Елисеюшка, – снова всхлипнула женщина. – И батька с матерью, и брат твой, и сестры. Один ты теперь в роду. Господи, отчего ж ты меня не прибрал вместо кого из детушек?! – глухо взывала она, крестясь и глядя куда-то в сторону.

– Бабушка, – кое-как справившись с собой, позвал Матвей.

– Ась, – вострепнулась старушка, моментально утерев слезы и подобравшись, словно кошка перед прыжком. – Хочешь чего, внучок?

– Дай еще попить, да посплю потом, – выдал из себя Матвей.

Ему нужно было остаться одному и обдумать услышанное. Информации было очень мало, но расспрашивать женщину подробно он не рискнул. И так ум за разум заходил даже от той малости, что уже услышал. Степанида ловко напоила его и, протерев лицо чистой влажной тряпицей, снова куда-то ушла. А Матвей, прикрыв глаза, принялся размышлять.

«Так, это что ж получается? Меня дома убили, и я оказался где-то на Кавказе, или еще где-то, где строят такие же дома, в чужом теле? Да ну нафиг! Бред. Ненаучная фантастика. Так не бывает. Или бывает? А ведь я что-то подобное где-то слышал. Кажется, по зомбоящику нечто подобное несли. Да ну. Очередная утка. Но бабка-то меня другим именем называет. И даже не сомневается. Не станет же она чужому человеку попа звать. Им платить надо, а у меня с деньгами не особо было. Я ж из магазина катил. Мне до пенсии еще две недели жить.

Нет. Тут что-то не так. И обстановка. И погода за окном. А главное, тиф. Ну откуда в конце двадцатого века в городе тиф возьмется? Стоп. Она сказала, в станице. Так, какой еще на хрен станице? Ничего не понимаю. Еще раз сначала. Я катил из магазина домой. Уже в свой двор свернул, когда меня тот мажор на своей иномарке нагнал. В драку не полезли. Решили одним махом все закончить. Блин, они же мне коляску сломали! И как я теперь без нее буду? Или не буду? Так, Матвей, соберись. Для начала собственный организм проверь», – приказал он и, сосредоточившись, попытался пошевелить руками.

Пальцы начало покалывать, а потом они медленно сжались в кулаки. Несколько раз сжав их, Матвей приказал себе согнуть руки в локтях и ощутил, как конечности, скрипя в суставах, рывками, словно у испорченного робота, начали сгибаться. От напряжения в глазах потемнело и забухало в ушах. Отдышавшись, Матвей решил проверить ноги. Пусть там только обрубки, но даже их еще можно хоть как-то использовать. Особенно находясь дома.

Но, к его недоумению, колоть начало сначала пальцы, а потом и все ноги сразу. Недоуменно опустив глаза туда, где они по его ощущениям должны быть, Матвей вдруг понял, что ноги имеются. Какие-то странные, тонкие, но целые. И даже кое-как шевелятся, подчиняясь его приказу.

– Выходит, это правда? – прохрипел в голос Матвей, икнув от удивления.

– Тихо! Без паники! – мысленно осадил он себя. – Теперь становится понятно, почему бабка меня чужим именем назвала. Получается, что я действительно оказался в чужом теле. И это тело ее внука. Логично. Но блин, бред же собачий! – мысленно завопил он, едва не скатываясь в истерику. – Так не бывает! Не бы-ва-ет! – по слогам повторил он, судорожно сжимая слабые кулаки, чтобы не заорать на весь дом. – Так, спокойно, Матвей. Спокойно. Всякое бывает. Проснешься в луже, и пить охота. Главное, держи себя в руках. Ну чужое тело, делов-то? Люди вон миллиарды воруют, а тут всего лишь тело. Да и не крал ты его. Сам бы хотел понимать, как до жизни такой докатился.

Кое-как успокоив себя таким образом, Матвей открыл глаза и, осторожно оглядевшись, снова затих, все еще не веря тому, что видит вокруг.

– М-да, не похоже это на бред. Совсем. Слишком уж все реально. Даже одеяло это лоскутное. Такие если где еще и остались, так только в деревнях глухих. А бабка сказала, что мы в станице. Интересно, это глухая деревня или уже нет? Блин, что-то меня не туда понесло. Да мать твою, соберись, тряпка! – отвесил он себе мысленного пинка. – Что еще заметил? Говорит бабка странно. Так даже в деревнях уже не разговаривают. Да еще и набожная она. Может, скит какой староверский? Так они вроде посторонних особо не жалуют. В доме уж точно не положат. Если только в сарае или в бане. Да и ту потом отмывать да отмаливать будут месяц. Итак. Что мы имеем с гуся? – задал он себе вопрос, возвращаясь ко всему увиденному и услышанному.

«Хватит паниковать. Теперь только то, что реально. У бабки вся одежда из натуральных тканей. Никакой синтетики. Поила она меня из глиняной кружки. Вокруг тоже все естественное. Даже стены известью побелены. Называет чужим именем, но твердит, что я ее внук, который собирался помирать от тифа. Да и, похоже, я теперь сирота. Бабка сказала, что у меня вся семья погибла. Точнее, у этого тела. Или это теперь мое тело? Блин, опять не туда. Что еще? Меня уже отпеть успели, но я выжил. Как? А хрен его маму знает. Нет, ну не верю я, что оказался в чужом теле, – снова завелся Матвей. – Поверю, когда своими глазами увижу», – успел подумать он, неожиданно для себя действительно засыпая.

* * *

Следующие трое суток Матвей только и делал, что спал и ел. Точнее, пил. Бабка Степанида сварила роскошный куриный бульон, которым его и потчевала каждый раз, стоило только ему открыть глаза. На четвертые сутки, после очередной чашки бульона, Матвей вдруг понял, что не хочет спать. Дождавшись, когда бабка выйдет, он осторожно потянулся и ощутил, что состояние организма значительно улучшилось.

Удивленно хмыкнув, Матвей сделал несколько глубоких вдохов и, собравшись с духом, попытался сесть. От напряжения тут же закружилась голова, и потемнело в глазах. Отдышавшись, он мрачно усмехнулся и, нащупав рукой край своей лежанки, сделал еще одну попытку. В итоге, переждав следующий приступ головокружения, Матвей, оказался в сидячем положении. Чувствуя, что вот-вот свалится с лежанки, он поспешил прислониться плечом к стене.

– Так, главное теперь никуда не свалиться, – проворчал Матвей про себя, прикрывая глаза, чтобы унять пляску обстановки перед глазами. – Так. И что мы имеем с гуся? – добавил он, стаскивая с себя одеяло. – А имеем мы тело. С ногами. Только оно какое-то... Твою мать!!! Это ж подросток! – хрипло выдохнул Матвей, рассмотрев теперь уже собственные конечности и то, что располагалось выше.

Очевидно, напряжение от физических усилий и навалившийся стресс оказались для него слишком сильными. В итоге очнулся он спустя какое-то время все на той же лежанке, едва прикрытый одеялом, и снова в положении лежа на спине. Открыв глаза, Матвей несколько минут бездумно пялился в потолок. Потом, очнувшись и вздохнув, он поднес ладони к лицу и принялся рассматривать их.

С виду обычные кисти подростка лет тринадцати-четырнадцати. Цыпки, царапины, уже зажившие. Несколько старых шрамов. Криво обрезанные ногти. В общем, ничего особенного. Из задумчивости его вывели шаркающие шаги бабки.

– Не спишь, внучок? – устало присаживаясь на край лежанки, спросила она.

– Не хочется пока, бабушка, – осторожно признался Матвей.

– Может, принести чего? – подобралась женщина.

– Благодарствую, не надо ничего, – качнул Матвей головой. – Бабушка, а сколько мне лет? – подумав, осторожно поинтересовался он.

– Так четырнадцать в августе стукнет. Да ты никак забыл всё? – всполошилась бабка.

– Сам не пойму, – медленно, словно нехотя признался Матвей. – Вроде мелькает в голове всякое, а что, к чему, не соображу никак.

– Ох ты ж господи, царица небесная! – негромко запричитала старушка. – Только одно горяшко пережили, так другое навалилось. Да как же так-то, Елисеюшка?!

– Сама говорила, что уж хоронить меня собралась. Вот, видать, от болезни в голове все и стерлось, – нашелся Матвей, про себя лихорадочно ища хоть какой-то способ успокоить ее.

– Тоже верно. Ить и вправду думала, сама весь род схороню, – кивнула старушка, разом прекратив причитать. – Вон оно как вышло-то. Одни мы с тобой остались, Елисей. Одни. Ну да ничего. Даст бог, выживем. И похуже бывало. А ты отдыхай, внучок. Отдыхай. Поправляйся, – добавила она, погладив его мозолистой ладонью по плечу. – Пойду я. Нужно курей покормить да во дворе прибрать.

– Бабушка. А какой теперь год на дворе? – решившись, уточнил Матвей.

– Так тыща восемьсот семьдесят шестой от Рождества Христова. А шо?

– Да так. Все вспомнить пытаюсь, как долго болею, – выкрутился Матвей.

– Так пятый месяц пошел, как мор начался. Станицу разом всю почитай скосило. Хорошо казаки успели скотину всю за околицу выгнать. А не то так просто бы не обошлось.

– А зачем выгнали? – не понял Матвей.

– Да как же, внучок. Как иначе-то? Скотинка, она за собой ухода требует. И корму ей задай, и обиходи, а когда мор в станице, какой уж тогда уход. Самим бы выжить. Вот и выгоняют скотину всю за околицу, чтоб, значит, животина не мучилась. Там и травку пощиплет, и водички из ручья попьет, глядишь, и переживет годину лихую. А уж коль хозяева выживут, так сами ее найдут. А иначе погибнет скотина без пригляду, а потом с нее еще мор начнется. Кто ж туши из станицы прибирать станет. Ох, болезный ты мой, – всхлинула бабка. – Совсем от болезни обеспамятовал. Простых вещей не помнишь.

Удрученно махнув рукой, она вышла из дома, а Матвей, закрыв лицо ладонями, глухо взвыл, краем сознания пытаясь удержать себя на краю истерики. Тысяча восемьсот семьдесят шестой год. Конец девятнадцатого века. Закусив край одеяла, он тихо выли, давая отчаянию и растерянности вылиться вместе с этим отчаянным воем. В такой растерянности он не был еще никогда. Даже став инвалидом, Матвей всегда твердо знал, что сумеет справиться с ситуацией. Но теперь впереди была одна сплошная безнадега.

Кое-как успокоившись, он плотнул воды из стоявшей у лежанки кружки и, немного придя в себя, принялся проигрывать варианты своего дальнейшего поведения.

«Итак. Конец девятнадцатого века. Чем может заниматься сирота из казачьей станицы, если вдруг решит уйти в город? – думал он. – Общество тут сословное, и за то, что не снял перед каким-нибудь павлином шапку, запросто можно в околоток угодить. Развитие оружия и техники на уровне каменного века. Оружие сплошь дульнозарядное. Возможно, уже капсюльное. Воюют в основном белым оружием. В смысле режут друг дружку почему зря. Что еще?

Автомобили еще толком не придумали, паровозы тоже в зачаточном состоянии. Тонкая механика в виде часов уже начала появляться. В общем, все весьма печально. Остается только землю пахать. Ну да. Пахарь из меня еще тот. Осталось узнать, с какой стороны к сохе подходить и в какую борону коня запрягают. Кстати о конях. Казаки – это, прежде всего, кавалеристы, а из меня наездник, как из свиньи балерина. Нет, в седле, конечно, удержусь. Спасибо деревенскому детству. Но не более того».

Собравшись, что впереди маячит куча всяческих проблем, Матвей схватился за голову.

«Господи! Ну за что мне все это? – мысленно взвыл он, затыкая себе рот кулаком. – Ну чем я тебя так прогневил? Ведь служил всегда честно, ни за чью спину не прятался. Так нет. Убили. А тут оказался, и снова все не слава богу. Ну что мне здесь делать? Как жить?»

Этот полустон-полумолитва немного успокоил его, и Матвей, немного успокоившись, снова вернулся к своим мыслям.

«Так. Повыл. Постонал. Теперь начинай думать продуктивно. Итак, первое. Привести себя в порядок. Тело мне досталось юное, похоже, крепкое. Сейчас, правда, отошел так, что ребра бренчат, но это дело поправимое. Постепенно бабка откормит. Уж для внука она ничего не пожалеет. Цинично, зато правда. Второе. Знаний у меня много, но все в этом времени бесполезные. Если только втихую для себя что-то делать. Хотя, что тут сделаешь, если еще даже станочный парк толком не придуман. Значит, придется кое-какой инструмент сделать самостоятельно. Пригодится. Стоп. Бабка сказала, что сейчас восемьсот семьдесят шестой год. Это выходит, через год война на Балканах с Турцией начнется.

Через год мне в этом теле будет пятнадцать. Можно в армию записаться. Или нет? Я ж из казаков, а у них свои подразделения. Выходит, тоже мимо. Впрочем, возможно, это и к лучшему. Не стоит забывать, что у меня отношение ко всяким сословиям примерно такое же, как в прошлом ко всяким мажорам и бандитам. А за такое тут можно и до каторги допрыгаться. Нет. В большие города мне лучше не лезть. Точно чего-нибудь такого отчебучу, что или в кандалах, или в местной дурке окажусь».

Тут Матвей вспомнил всяческие романы о попаданцах в прошлое и горько усмехнулся. Сюда бы всех этих фантазеров, у которых герои запросто вламываются ко всяким правителям и с ходу начинают им умные советы давать. Ну-ну. Посмотрел бы он сейчас на парочку

таких умников. Матвей снова усмехнулся и вернулся к своим размышлениям. Что ни говори, а вариантов у него немного. И самый простой – оставаться в станице до того момента, пока бабка жива, а потом перебраться куда-то к людям, но держаться обособленно. В общем, стать одиночкой.

«Ни пахать, ни сеять я не умею. Любым ремеслом владею на уровне ученика. Остается только одно. Начать жить с того, что умею делать лучше всего. Воевать. Год у меня есть. Потом война на Балканах, и там можно будет попробовать себя проявить. А кстати, где эта самая станица находится территориально? Ухохочусь, если на Кавказе. Получится, с одной войны на другую. А может, это не так и плохо. Тут война никогда не заканчивалась. Турки с желтоухими в этих местах вечно воду мутили. Вот, кстати, и еще одна точка приложения моих умений».

Нашупав подходящую ниточку, Матвей принялся вспоминать все, что когда-либо читал или слышал о действиях Российской империи на Кавказе. Но как назло, ничего толкового в голову не приходило. Только виски разболелись. Удрученно вздохнув, он глотнул воды и, откинувшись на подушку, еле слышно проворчал:

– Говорила мама дураку, учи уроки. Так нет, филонил. Вот теперь мучайся, дубина. Ладно. Какая-то канва начала вырисовываться. Линия поведения – одиночка. Точка приложения сил – военные действия. Из умений... Стрельба, ножевой бой, рукопашный бой, маскировка, разведывательно-диверсионные действия. Место действия – или Кавказ, или Балканы. Там видно будет. Если я правильно помню, горцы людьми в это время торговали только так. Особенно с турками. Воровали людей и ради выкупа. Вот и сфера деятельности. Нужно только будет как следует подготовиться, а главное, привести себя в порядок. А то этот доходяга под весом местного карамультака пополам сложится.

Решение было принято, и на душе слегка посветлело. Чуть улыбнувшись, Матвей еще раз приложился к кружке и, услышав шаркающие шаги бабки, негромко окликнул:

– Бабушка!

– Ась! Шо, внучок? – суетливо спросила женщина, быстро подходя к лежанке.

– Мне б поесть, – смущенно попросил Матвей. Словно в поддержку его просьбы, живот парня издал длинную громкую руладу.

– Ох ты, господи! – засуетилась бабка. – Сей же час принесу, Елисеюшка. Сей же час все будет. Оголодал, болезный. Оголодал, кровиночка, – негромко причитала она, гремя чем-то в летней кухне во дворе.

Спустя минут десять Матвей наслаждался ароматным куриным супчиком с кусками куриного мяса и какой-то крупой. Какой именно, он даже рассматривать не стал. Не до того было. Умыв миску варева с толстым куском пахучего ржаного хлеба, он отдал посуду бабке и, сыто отдуваясь, улыбнулся:

– Благодарствую, бабушка.

– На здоровье, внучок, – радостно улыбнулась она в ответ. – Может, еще чего хочешь?

– Спросить хотел, – воспользовался Матвей моментом. – Батино оружие где теперь?

– Ох ты ж, господи! – охнула бабка. – Едва говорить начал, и туда же. Ну куда тебе сейчас оружие? На ноги встань сначала.

– Так ведь не просто так спрашиваю, – нашелся Матвей. – Сама говорила, в станице народу и не осталось почти. А ну как вздумает кто по домам пошарить? Как тогда быть? Нет, бабушка. Ты как хочешь, а оружие батино мне сюда принеси. Пусть рядом, под рукой будет. Заодно и проверю, может, чего чистки или заточки требует.

– Так бы и сказал, что скучно просто так лежать, – усмехнулась женщина. – Добре. Принесу сейчас. Уж этого добра у нас скопилось столько, что эскадрон вооружить можно. И батька твой такой же был. С малолетства самого, – грустно улыбнулась она. – И дед. Сразу родную кровь видно. Другие серебро да украшения везли, а они оружие всякое, – махнула она рукой и, развернувшись, вышла.

Спустя некоторое время бабка вернулась, неся в охапке сразу несколько шашек, следом появились пояса с кинжалами, потом ремни с кобурами под пистолеты и сами пистолеты, ну и под конец сразу три ружья. К ним она приволокла жестяную масленку, охапку старой ветоши и пороховые рога. Глядя на этот арсенал, Матвей только растерянно глазами хлопал. Все оружие было тщательно вычищено и ухожено. А главное, что это были не простые, так называемые рядовые экземпляры.

Два из трех ружей были кремневыми. Тяжелые, с шестигранными стволами. Калибр такой, что в ствол запросто можно было большой палец сунуть. С усилием отложив их в сторону, Матвей потянул к себе оставшееся ружье и, едва заглянув в ствол, чуть не завопил от восторга. Это был настоящий штуцер. Канал ствола с нарезками. Капсюльный. Сам ствол опять-таки шестигранный, но калибр несколько меньше предыдущих. Приклад и ложе вырезаны так, что оружие просто хотелось приложить к плечу.

«Вот с него и начнем», – улыбнулся про себя Матвей, поглаживая пальцами приклад.

* * *

Спустя две недели Матвей уже начал потихоньку подниматься с лежанки. Не сказать, что это получалось легко, но до «скворечника» во дворе он уже добирался. С двумя остановками и черепашным шагом, но сам. За это время он успел довести все принесенное бабкой оружие до идеального состояния и даже отремонтировать одно ружье. Заменил кремнь. Дело нехитрое, но делать это нужно было умеючи. Так что разбирался он с этой доисторической механикой не спеша. Осматривая, ощупывая и едва ли не обнюхивая механизм.

Бабка Степанида, увидев его за этим делом, только головой удивленно покачала, тихо проворчав:

– Видать, недаром вечно рядом с дедом крутился.

– А я крутился? – отреагировал Матвей и тут же выругал себя за торопливость.

– Еще как, – кивнула женщина, посмотрев на него с жалостью. – Едва дед ружжо в руки, и ты тут как тут.

Вспоминая тот разговор, Матвей в очередной раз прокручивал в памяти свои ощущения, когда услышал, что станица находится ни много ни мало в предгорьях Кавказа и считается частью Терского казачьего воинства. Вот тут ему стало действительно плохо. Мало того что перекинулся во времени, так еще и в пространстве. Механику этого переноса он так и не смог осознать. Парню (мужчине?) все время казалось, что он спит и видит очень странный и очень реалистичный сон. И больше всего ему хотелось проснуться.

Воспоминания снова всколыхнули что-то у него в душе, и на глаза навернулись слезы.

«Твою мать! – выругался Матвей про себя, утирая рукавом лицо. – Хрен знает, что со мной происходит. Каким-то плаксой стал. Про родителей этого тела услышал, заплакал, про деда, опять слезы, про себя самого думаю, и снова глаза на мокром месте. Хрень какая-то. Или реакция на стресс, или со мной действительно что-то не так».

Ответ на этот вопрос он получил утром, проснувшись с такой эрекцией, что даже немного больно было. Только тогда, сообразив, что происходит, Матвей растерянno усмехнулся про себя: «Твою ж дивизию! У парня же гормональный взрыв начинался, когда болезнь скосила. И, похоже, все эти радости достанутся теперь мне. Ладно. Главное, чтобы совсем башню не снесло. А то, если себя самого в том возрасте вспомнить, то мама не горюй. Думал чем угодно, но только не головой».

С этой минуты Матвей принялся тщательно контролировать каждое свое слово и каждый жест. Делать это действительно стоило. Достаточно было только слегка ослабить контроль, как настроение тут же начинало меняться, словно погода осенью, а в голову лезли всякие странные мысли. В общем, забот с новым телом у Матвея было более чем достаточно. Он уже молился,

чтобы побыстрее встать на ноги и заняться собой как следует. А приводить это тело в порядок действительно было необходимо.

К тому же так сложилось, что убили его осенью, а очнулся он весной. А это означает, что к местной осени ему нужно быть в форме, чтобы начать решать элементарные бытовые проблемы. Из разговоров он выяснил, что в станице осталось три старухи, один старик и он сам. А это значит, что зима будет голодной. Помогать выжившим попросту некому. Все, у кого были родственники в других поселениях, отправились туда. В станице оставались только те, кому некуда было переезжать. Поля были не засеяны, а озимые уже начали осыпаться. Бабка Степанида каждый божий день уходила в поле и собирала колосья, чтобы, кое-как обмоловить их, натереть муки.

Ручная мельничка в ее сарае то и дело скрежетала жерновами, когда бабка молола на ней собранное зерно. Так же поступали и остальные старики. Матвей, глядя на осунувшееся от усталости лицо бабки, тихо проклинал собственное бессилие, но помочь ей ничем не мог. Однажды, разглядев свое отражение в ведре с водой, он мрачно усмехнулся:

– Бухенвальдский крепыш. На морде одни глаза торчат.

Впрочем, особо можно было и не стараться, разглядывая себя в ведре. Достаточно было опустить взгляд и полюбоваться на собственный торс. Живот к спине прилип и ребра торчат. Хотя, если вспомнить, что во время болезни он питался только водой, да и то, когда бабка умудрялась немного влить ему в рот, то вопросы отпадали сами собой. Но, несмотря на все трудности, Матвей старался заставлять себя двигаться.

Медленно, с одышкой и приступами головокружения, с тошнотой от слабости и кровавой пеленой перед глазами, но он двигался. В один из таких походов он добрался от колодца до скамейки у входа в дом и, тяжело опустившись на нее, устало прикрыл глаза, пережидая очередной приступ слабости. Скрип песка у тына заставил его насторожиться и открыть глаза. За плетнем стоял сухой, седой, словно лунь, старик в потертом, но чистом чекмене, подпоясанном узким кавказским пояском, и в вытертой каракулевой папахе-кубанке.

– Живой, значит, – грустно усмехнувшись, проскрипел старик. – Ну и слава богу. А мои вот все ушли. Один я остался. А говорил ведь сынам, что Кречетово семя крепкое. Не поверили... а-а, – махнув рукой, он развернулся и, постукивая палкой, на которую опирался, отправился куда-то в глубь вымершей станицы.

Передав этот странный разговор бабке, Матвей с удивлением услышал от нее ироничный и достаточно циничный ответ.

– Сами виноваты, – фыркнула женщина, презрительно усмехнувшись. – Дед хотел за бату твоего дочку их сватать, а они уперлись. Мол, не ровня мы им. И то сказать, в их семье пятеро сынов было. Все ратаи справные. Да и вой неплохие. Хотя батя твой в потешной схватке сразу двух ихних за раз укладывал. Недаром пращура твоего Кречетом прозвали. С той поры и пошло. Вся семья Кречеты. И ты – Елисей Кречет. Мы с войны жили, а они все больше с земли. Вот Никандр и хотел семя укрепить. Дочку батю твоему отдать. А сыны его уперлись. Ну да господь им судья.

– Выходит, он просто завидует? – удивился Матвей.

– Нет там зависти, – качнула бабка головой. – Жалеет, что не настоял. Да и то сказать. Один он остался. Скоро станица совсем вымрет. Марфа, вон, вчера прямо в поле преставилась. Нагнулась с серпом колосья срезать, да так в землю и посунулась. Подбежали, а она уж и не дышит. Благо казаки успели на погосте заранее могил накопать. Так и схоронили, не отпетую. Батюшки-то тоже нет. Помер, – тяжело вздохнув, закончила Степанида. – Ты вот что, внучок, – помолчав, решительно заявила она. – Как на ноги встанешь, уходи отсюда.

– Как это уходи? – не понял Матвей. – А ты?

– А мне недолго уж осталось, – грустно улыбнулась женщина. – И то сказать, седьмой десяток лет небо копчу. Пора и честь знать. Ты главное, сам выживи. Род казачий сгинуть не должен. Помни это, Елисеюшка.

– Запомню, – коротко кивнул Матвей. – Но только не уйду я. Одну тебя не оставлю. И не спорь, – чуть надавив голосом, не дал он ей возразить. – Что я за казак буду, ежели родную кровь без пригляда брошу? Нет. Ты меня выходила, значит, как встану, мой черед за тобой смотреть придет.

– Храни тебя Христос, внучок, – перекрестила его Степанида. – Вырос, казачок. Весь в батьку. Такой же упрямый.

Еле слышно всхлипнув, она вышла из дома, и вскоре Матвей услышал, как она принялась доить козу, что-то приговаривая. Хозяйство у бабки было скромное. Полтора десятка кур да коза. Даже собаки во дворе не было. Зато была старая трехцветная разноглазая кошка. И именно она, тяжело запрыгнув на лавку, подошла к парню и, потершись головой о его локоть, хрипло мяукнула.

– Что, Мурка, и тебе тоскливо? – тихо спросил Матвей, почесывая ее за ухом.

Кошка аккуратно перебралась ему на колени и, свернувшись клубочком, заурчала неожиданно громко.

– Как моторчик тарыхтит, – тихо вздохнул Матвей, откидываясь на стену дома и поглаживая животинку.

Ему и вправду было тоскливо. Хоть и шли дела на поправку, а выхода из создавшейся ситуации он так и не видел. Из задумчивости его вывело появление старого Никандра. На этот раз останавливаться за плетнем старик не стал. Тяжело перебравшись через высокий тын, он с кряхтением выпрямился и решительно направился напрямик к сидевшему на лавке парню. Только тут Матвей разглядел, что помимо клюки, с собой у него было и оружие.

Вышедшая из сарая Степанида, увидев его, удивленно остановилась и, отставив в сторону подойник, спросила, упирая кулаки в бедра:

– Ты чего это удумал, старый? Чего сюда железо это приволок?

– Не шуми, Степанида. По делу я, – строго цыкнул на нее старик. – И не к тебе, а к внуку твоему.

– Да ты в своем ли уме, старый? – не осталась бабка в долгу. – Мальчонка еле ноги таскает. Еще от болячки не отошел, он к нему с делами.

– Сказал же, помолчи, – скривился Никандр. – Помолчи да послушай. Потом голосить станешь.

Развернувшись, он поковылял до скамейки и принялся осторожно снимать с себя все принесенное. Капсюльное ружье, пара кинжалов бебутов в роскошных ножнах и две пары капсюльных же пистолетов. Последней он снял с пояса восточную саблю в простых ножнах. Ко всему этому пять пороховых рогов, металлически брякнувший узелок, явно тяжелый, и жестяная коробка из-под чая. Уложив все это на лавке рядом с парнем, старик сдернул с головы папаху и, перекрестившись, церемонно поклонился.

– Не побрезгуй, Елисей. Оружье это, что мной самим, что сынами моими с бою взято. Не хочу, чтобы пропало или в чужие руки ушло. Тебе род казачий продолжать, тебе его и носить.

Услышав его слова, Степанида тихо охнула и уставилась на сидящего Матвея широко распахнутыми глазами. Недоуменно покосившись на нее, парень осторожно снял с колен недовольно мявкнувшую кошку и, тяжело поднявшись, осторожно поклонился, держась левой рукой за жердь, поддерживавшую навес над крыльцом.

– Благодарствую, дядька Никандр, – прохрипел он внезапно осипшим горлом. – За честь да за веру твою.

– Спаси Христос, Елисей, – перекрестил его старик со слезами на глазах и, надев папаху, заковылял со двора.

– Чего это он, бабушка? – повернулся Матвей к Степаниде.

– Неужто не помнишь? – удивилась та, но потом, что-то сообразив, пояснила: – Лучшее он тебе отдал. Наследник ты ему теперь. Других-то не осталось. Никандр справным казаком был. Саблю эту он в Ширванский поход взял. Сам с эмира какого-то снял. Не смотри, что ножны простые. Там клинок булата настоящего. Да и остальное оружие доброе. А ты все правильно сделал, – вдруг одобрила она. – Не должна память рода впусте пропасть.

– Выходит, он специально все это отобрал, чтобы мне принести? – подумав, уточнил Матвей.

– Угу. Дома небось что поплоче заряженным держит. А это твое теперь. Ладно, внучок. Вечерять пора, – вздохнула женщина и, подхватив подойник, отправилась в дом.

Не удержавшись, Матвей поднял ружье и, быстро осмотрев его, с довольным видом усмехнулся. Это тоже был штуцер. Не так богато отделанный, как тот, что остался от отца, но судя по состоянию, тоже совсем не барахло. Припомнив, что подобное оружие в это время было очень редким и стоило больших денег, парень аккуратно отставил его в сторону и потянулся за саблей.

Если уж бабка знала об этой сабле так много, то значит, она того стоила. Плавнo вытянув клинок из ножен, Матвей залюбовался игрой узора. Смазанный салом, он блестел в лучах вечернего солнца, отбрасывая веселые отблески. Кинжалы были под стать сабле. Все та же дамасская сталь с муаровым узором на клинках. Последними Матвей осмотрел пистолеты.

– Кубачинских мастеров работа, – негромко пояснила бабка, выйдя на крыльцо и увидев, чем он занят. – Тоже с боя взяты. То уже сынов его добыча. С турками на перевале резались. Там и добыли.

– А разве турки и сюда доходят? – удивился Матвей.

– Бывало, – вздохнула Степанида. – Сейчас-то редко забегают. А раньше их башибузуки частенько сюда за рабами хаживали. Я и сама едва им в лапы однажды не попала, – усмехнулась она. – Батюшка мой, царствие ему небесное, мне с собой пистоль дал, когда я по орехи в лес собралась. А уж стрелять он меня научил, едва я тот пистоль в руках удержать смогла. Так и спаслась. Пальнула в турку и бегом оттуда. Даже пистоль с перепугу бросила. А казаки в патруле были да услышали. Они тех турок и порубили.

– А ты говоришь, я казачьей крови. Сама-то по молодости любому казаку, небось, могла нос набок свернуть, – усмехнулся Матвей, собирая оружие и с удовольствием слушая довольный смех бабки.

* * *

Спустя еще две недели Матвей уже уверенно бродил по двору и даже пытался колоть дрова. Правда, после каждого пятого удара приходилось останавливаться и делать передышку, пережидая очередной приступ головокружения и слабости. Именно эти симптомы прошедшей болезни его и бесили сильнее всего. Ну не привык он чувствовать себя слабым. А тут еще разгулявшиеся гормоны добавляли проблем, сделав его раздражительным и вспыльчивым.

И только железная воля, воспитанная годами инвалидности, позволяла парню держать себя в руках и рамках приличий. Тем более что местные нравы были ему совсем непонятны. Взять отношения с той же бабкой. С одной стороны, кремень женщина, способная коня остановить и танку дуло в узел завязать. Но ее покорность и готовность слушаться каждого его решения частенько ставили Матвея в тупик. Наконец, не удержавшись, он решил внести в этот вопрос окончательную ясность, трезво рассудив, что на его вопросы бабка ответит спокойно, помня, что он едва оправился после болезни. Этот разговор случился сразу после ужина, когда Матвей, сыто отдуваясь, откинулся на лавке и, прихлебывая горячий чай, негромко спросил:

– Бабушка, а ты меня малого часто ругала?

– Это за что же? – удивилась Степанида, проворно собирая посуду со стола.

– А за что обычно малых ругают? – пожал парень плечами. – Не слушался или озоровал сильно.

– Не было такого, – решительно тряхнула бабка головой. – Упрямым ты всегда был. Еще в пеленках. А вот озорства глупого за тобой никогда не было. Да и то сказать, тебя всегда к оружию тянуло. Как батька из патруля вернется, так ты первым делом у него пистоль тянешь и за пояс его. А сам от горшка два вершка. Тот пистоль тебе, как мне ружжо. Едва не самого больше, – тепло улыбнулась она. – А ты с чего вдруг вспомнил за то?

– Да я вот тут подумал, мы с тобой в твоём доме живем. А я чего решу, так ты и не споришь. Сразу соглашаешься. С чего бы?

– А чего удивляться, – спокойно пожала Степанида плечами. – Глупого ты ничего не сказал. Так чего спорить понапрасну? Да повелось так от века. Казак в доме голова. Бабе его слушаться надобно. А то, что молод еще, так то не долго. Оглянуться не успеешь, как и юность пролетит. Да и проще мне так.

– Чем это? – не понял Матвей.

– Помру, тебе своим умом жить придется. Вот и учись, пока есть, кому доброе подсказать, – лукаво усмехнулась женщина.

«Да уж. Умеет бабка озадачить, – подумал Матвей, рассеянно наблюдая, как ловко она управляется по хозяйству. – Это выходит, у нее воспитательный процесс такой. А по сути, мели, Емеля, твоя неделя. А сама делает только то, с чем согласна».

Между тем бабка быстро навела порядок и, затеплив лампадку под иконами в красном углу, принялась молиться на ночь. Ее тихий шепот навевал на Матвея дремоту. Покосившись в окно, он убедился, что на улице уже стемнело, и, от души зевнув, не спеша направился в свой закуток, попутно перекрестившись. Так, чтобы это заметила бабка. Что поделать, если времена тут такие и любой, кто не посещает церковь, сразу становится объектом стороннего внимания.

Сам Матвей точно знал, что крещен. Бабушка еще в детстве втихоря от родителей отвела к попу и окрестила его. Уже в Афганистане он, не обращая внимания на замполита, носил на шее крестик, который до того носил во внутреннем кармане кителя. В общем, ничего против веры он не имел, хотя сам большой тяги к ней не испытывал. Попросту он решил придерживаться местных правил поведения, хотя иногда и забывал некоторые нюансы.

Пробежав взглядом по лежащему у лежанки оружию, уже заряженному и готовому к бою, он улегся и, накрывшись одеялом, прикрыл глаза. Уставший за день организм отключился почти сразу. Проснулся Матвей от давно забытого, но от этого не менее острого ощущения опасности. Эта чуйка уже не раз спасала ему жизнь, так что доверять своим инстинктам он привык. То, что он не почувствовал опасности в столкновении с мажорами, виноват был сам. Слишком сильно погрузился в собственные раздумья. Не сообразил вовремя очнуться, хотя чуйка в тот день ныла с самого утра.

Осторожно поднявшись на лежанке, Матвей выглянул в окно и в тусклом свете половинчатой луны рассмотрел за околицей пять конных фигур. В том, что ничего хорошего ночные гости не принесут, сомнений не было. Не ездят тут по ночам. Поднявшись, он быстро оделся, чтобы не светить белым исподним и голой кожей, и, подхватив весь свой огнестрел, бесшумно двинулся к двери. Уже на выходе он оглянулся и прислушался. Бабка спала на своей половине, тихо похрапывая.

Выбравшись на крыльцо, Матвей, стараясь держаться в тени, осторожно двинулся в сторону улицы, ища подходящее укрытие. Вступать в рукопашную в нынешнем состоянии было верхом глупости. С такой слабостью его любой мальчишка в бараний рог скрутит. Не пристрелянное оружие ему тоже особого доверия не внушало, но выхода не было. Тут или сразу жестко отбивать любых любителей поживиться чужим добром, или самому бежать куда глаза глядят.

К тому же вооружился он серьезно. Винтовка и четыре пистолета. К ним два кинжала бегута и отцовский прямой кинжал. Еле дотащил свой арсенал до стены сарая, сложенного из самана. Оглядевшись, Матвей в очередной раз пожалел, что казаки не ставили заборов, как горцы, из камня. Обходились обычным плетнем. Что это было, лень или бравада, он не понимал, но такое положение дел его удивляло. Жить, готовясь в любой момент отбить нападение врага, и не устраивать укреплений. Абсурд.

С этими мыслями он пристроил винтовку на плетень и, проверив капсюль, осторожно взвел курок. Тем временем пятеро всадников, о чем-то темпераментно поспорив, решительно двинулись к станице. Ехали неизвестные открыто, даже не пытаясь скрываться. Дождавшись, когда они окажутся рядом с их двором, Матвей услышал тихий гортанный разговор и, хищно усмехнувшись, проворчал про себя: «Не ошибся. Точно за поживой пришли».

В момент, когда горцы проехали их двор и уже начали углубляться в станицу, из какого-то двора раздался выстрел. Ехавший первым горец схватился за грудь и мешком вывалился из седла. Вздвогнув от неожиданности, Матвей тихо выругался и перевел прицел на ехавшего последним всадника, когда один из оставшейся четверки выстрелил в сторону, откуда стреляли в них. Два выстрела слились, и еще один всадник рухнул в пыль.

– Не промазал, – порадовался Матвей. – Хотя на таком расстоянии это было бы уже позорищем. Тут же доплюнуть можно, – ворчал он, отставляя ружье и выхватывая пистолеты.

Оставшиеся трое ловко развернули коней и попытались вырваться из получившейся засады. Взвадя курок, Матвей поднял двумя руками пистолет и с силой нажал на спуск. У кубачинского оружия была особенность. Если спускать курок плавно, то может случиться осечка. Эту фишку он запомнил еще в юности, узнав ее из книг. Пистолет грохнул, и очередного всадника вынесло из седла. В ответ прогремели сразу два выстрела, и тяжелые пули с сердитым жужжанием шелкнули о стену сарая.

– А стрелки вы так себе, мальчики, – зло усмехнулся Матвей, бросая разряженный пистолет и подхватывая следующий.

Не спеша, словно на стрельбище, выцелив еще одного противника, Матвей выстрелил и с удовольствием услышал жалобный вскрик. Выпускать неизвестных он не собирался. Мстители ему были не нужны. Не в том он был состоянии, чтобы ввязываться в вендетту. Последний выстрел он сделал, когда оставшийся в одиночестве всадник уже достиг околицы. Расстояние почти максимальной удаленности для его пистолета, но он не промахнулся.

Последний бандит выпал из седла, и Матвей, отложив разряженное оружие, поспешил завершить начатое. Выскочив на улицу, он быстрым шагом прошел к первому убитому и, не раздумывая, провел контроль кинжалом. Купить порох ему было негде, так что запас требовалось экономить. Пройдясь по всем мародерам, он убедился, что раненых за спиной не осталось, и принялся собирать почему-то не разбежавшихся коней.

За этим занятием его и застала бабка, вышедшая на улицу с ружьем в руках и в накинутой на плечи шали. Глядя на ее наряд, Матвей только усмехнулся. Ночная рубашка до пят, шаль на плечах, мягкие кожаные чуваки и тяжеленное ружье в руках. Валькирия, право слово. С этой мыслью он подвел собранных коней к своему плетню и, устало оперевшись на столбик, проворчал:

– Всё, бабушка. Закончились тати. Оставь ружье. Не с кем больше воевать.

– Неужто всего пятеро их было? – удивилась Степанида.

– Пятеро, – устало кивнул Матвей.

Азарт боя схлынул, и навалилась усталость. Что ни говори, а оправиться он так еще толком и не смог.

– Ой, горяшко! – вдруг раздалось там, откуда прозвучал первый выстрел. – Ой, беда!

– Кто это там? – удивился Матвей.

– Параша чегой-то голосит. Не иначе с Никандром что, – всполошилась бабка и, сунув ружье внуку, поспешила на голос.

Проводив ее взглядом, Матвей тяжело вздохнул и, привязав коней к коновязи, тяжело заковылял домой, прихватив по дороге разряженное оружие. Свалив свой арсенал у лежанки, он затеплил лучину и, усевшись на лавку, принялся ждать бабку. Отходить от дома далеко он пока не рисковал. Степанида вернулась минут через сорок. Войдя в дом, она зачерпнула воды из ведра, которое стояло у печки, и, напившись, тяжело опустилась на лавку рядом с внуком.

– Убили Никандра, – глухо выдохнула она. – Пуля в грудь вошла. Сразу помер, – женщина перекрестилась и чуть слышно всхлипнула.

– Поторопился он стрелять, – вздохнул Матвей, обнимая ее за плечи. – Нужно было проехать дать и в спину бить. Много их было для нас двоих. Не знал я, что он их тоже видит. Договориться не успели.

– Тебя-то хоть не зацепило? – опомнилась Степанида и тут же принялась осматривать его.

– Промазали, – успокоил ее Матвей. – Они-то с коней стреляли, а я стоял спокойно. Вот и вышло как вышло.

– Добре вышло, – успокоившись, довольно усмехнулась женщина. – Так вышло, как и должно. Пусть знают, что станица еще жива.

– Что с телами делать станем? – вздохнул Матвей, уже представляя, сколько трудностей предстоит с захоронением.

– Утром посмотришь их, а дальше, как бог даст. Может, родичи приедут выкупить, – отмахнулась бабка. – Спать ложись. Бледный, краше в гроб кладут. Утром решать станем, как дальше быть.

– Чего тут теперь решать. Трое нас всего осталось, – скривился парень. – А самое плохое, что порошу купить негде. Того, что есть, на бой не хватит. Был бы порох, я бы всяким незванным гостям подарочков наделал, – добавил он, мысленно прикидывая, как можно устроить пусть и примитивные, но от этого не менее смертоносные сюрпризы.

– Вон, в сундуке дедовом посмотри. Он там свой огненный припас хранил. Да и Никандр тебя наследником назвал. Завтра сам к нему в хату сходишь да заберешь, что осталось. Да и по остальным домам пройтись надо.

Произнеся последние слова, женщина тяжело вздохнула, словно делая над собой какое-то усилие.

– Что не так, бабушка? – насторожился Матвей.

– Не положено так. Не по-божески, – нехотя пояснила Степанида. – В станице отродясь дверей не запирали. Чужой без спросу никогда в дом не войдет, пока хозяин не позволит. Да где теперь искать тех хозяев. Померли все. А кто не помер, уехали.

– Неужто не вернется никто? – осторожно уточнил парень.

– Немногие уехать успели. Ежели и вернется кто, то не скоро. Мора люди боятся.

– Ну, раз так, то и греха в том нет, – помолчав, сделал Матвей вывод. – Умершим то добро ни к чему, а живым выжить поможет. Да и не надо мне богатства. Мне порох да свинец нужны. Оружия и своего хватает.

– Вот и я так думаю, – решительно кивнула бабка. – Завтра и возьмемся. Ты по зелью огненному да свинцу, а я в подполах посмотрю. Зима впереди, а с тебя работник пока никакой. Как бы с голоду зимой ноги не протянуть.

– А бабка Параша как же? – на всякий случай поинтересовался парень.

– А что Параша? – не поняла Степанида. – Что-то ей отдадим, а что-то себе возьмем. Да ей много и не надо. Старая она уже совсем. Еле ноги таскает. Меня на десяток лет старше. Да и чего ей спорить, коли тебе и ее защищать теперь придется.

– Да уж, защитничек, – скривившись, фыркнул Матвей. – Как отдачей не снесло, до сих пор сам не понял.

* * *

Гости появились к вечеру. Конское ржание заставило Матвея вздрогнуть и схватиться за оружие. На околице стоял десяток всадников, за которыми виднелась старая арба, запряженная ослом.

– Явились, – мрачно выдохнула Степанида, приложив ко лбу ладонь козырьком и рассматривая незваных гостей.

– Быстро они, – удивленно буркнул парень.

– Так знали, куда их молодые пошли. Вот и приехали, как обратно не явились. Ты это, Елисей, оружие под рукой держи, но не доставай. А как увидишь, что кто из них яриться начал, так сразу беги, а я стрелять стану, – быстро начала советовать бабка.

– Так, может, сама с ними поговоришь? – невольно огрызнулся Матвей.

– Нельзя мне. С мужчиной только мужчина говорить должен. Иначе обида будет. А кровников нам сейчас наживать нельзя.

– А то они нам теперь кровниками не станут, – фыркнул Матвей.

– Сдурел? – возмутилась женщина. – Их пятеро против вас двоих было. Не будет тут кровников. Бой был. Честный бой.

– Ладно. Тогда пошел я, – вздохнул парень, попутно проверяя пистолеты.

Из-за длины стволов их пришлось повесить на бедра. Пониже. Примерно так, как носят оружие ковбои. Даже еще ниже. Работать, держа эти громадины за поясом, было невозможно, вот парень и придумал себе такую разгрузку. Не спеша выйдя на край станицы, он остановился у воротины, которая означала границу поселения, и окинул приехавших горцев мрачным взглядом. Стоявший первым всадник чуть шевельнул поводом, и вышколенный жеребец танцующим шагом двинулся вперед.

«Роскошный конь», – оценил про себя Матвей роскошного зверя.

– Что, нравится? – гортанно спросил горец, заметив его взгляд.

– Хороший конь, – не чинясь, кивнул Матвей.

– Чистый аргамак, – гордо сообщил всадник. – Двести рублей золотом за него платил.

– Если ваш род такой богатый, зачем тогда твои люди ночью сюда пришли? – тут же отозвался парень. – Знаете ведь, мор тут был. Разве есть честь в том, чтобы из пустого дома что-то украсть?

– Сами пошли, – тихо зашипев сквозь сжатые зубы, ответил горец. – Случайно узнал, когда их семьи ко мне пришли. Где эти бараны?

– Бой был, – пожал плечами парень.

– Бой? Разве здесь еще кто-то остался? – удивился горец. – Почему тогда старший не пришел? Почему мальчишка вышел?

– Убили старшего, – быстро ответил парень, не давая ему разозлиться. – Старик один еще был. В бою убили. Только я и две женщины остались. Или ты хочешь, чтобы с тобой женщина говорила? – пустил он в ход самый весомый аргумент.

– Двое? – заметно растерялся горец. – Молодец, урус. Джигит, – неожиданно усмехнулся он. – Не боишься. Я тебе по десять рублей серебра за их тела дам. Скажи, где забрать.

– Скажи, пусть арбу прямо по улице гонят. Там покажут, – ответил Матвей, с усилием отодвигая воротину в сторону.

Горец жестом указал вознице направление, и тот ткнул ослика палкой. Скрипнув, арба вкатилась в станицу. Следом за ней двое молодых парней, спешившись, двинулись по улице, держа руки на рукоятках кинжалов. Проводив их взглядом, Матвей встал так, чтобы между ним и горцами оказался столб ворот. Пусть не высокий и не очень толстый, но хоть какое-то укрытие от первого выстрела.

– Умный джигит, – одобрительно усмехнулся горец, заметив его маневр. – Сколько за их коней хочешь?

Матвей замер, не понимая, о чем речь. И только спустя минуту сообразил, что речь идет о выкупе коней, на которых приехали убитые.

– Давай по двадцать рублей серебром за каждого коня, а тела я тебе так отдам, – решившись, предложил он.

– Почему? – удивился горец.

– Неправильно это, за мертвых деньги брать, – помолчав, высказался парень. – Не по-божески. Вы люди книги. Мы тоже. И нигде в книге не сказано, что так делать можно. У вас горе. У нас тоже горе. Неправильно это, – закончил он, запутавшись в собственных мыслях. Риторика никогда не была его сильной стороной.

– Молодец, джигит, – хлопнув себя ладонью по колену, одобрил горец. – Хорошо сказал. Так будет, – с этими словами он вытащил из-за пазухи увесистый кожаный мешочек и, коротко размахнувшись, перебросил его парню. – Сто монет, как сказал. Приведи коней.

– Арба проедет, приведу, – кивнул Матвей, то и дело оглядываясь на станицу и в любой момент ожидая выстрела.

Встретить горцев должна была Параша. Парень зарядил ей кремневое ружье, с которым старушка управлялась на удивление ловко.

– Не бойся, – понимающе усмехнулся горец. – Они только тела возьмут. Я не воевать приехал. Мое слово – закон.

Словно в ответ на его высказывание в конце улицы появилась арба, за которой спешили двое грузчиков. Дождавшись, когда они покинут территорию станицы, Матвей наполовину прикрыл воротину и отправился на двор к Никандру, куда увел добытых коней. Быстро отвязав животных от коновязи, он порадовался про себя, что не стал снимать с них седла, и повел всю пятерку к околице.

– Забирай, – протянул он поводья горцу, так и стоявшему у ворот.

– Джигит, урус, – скупое улыбку тот, забирая поводья коней. – Меня зовут Махмад-ходжа.

– Елисей, – представился парень местным именем. – Ты правда ходил в Мекку пешком? – не удержавшись, спросил он.

– Знаешь наши обычаи? – удивился горец.

– Я здесь родился, – пожал Матвей плечами.

– Да. Пешком ходил, – кивнул Махмад.

– Хорошее дело, – нашелся парень. – Нам в Иерусалим так просто не пройти. Турки не пускают. Много паломников наших у них рабами стало. Не думают турки, что против воли Бога идут.

– Все в руках Аллаха. Если сильно веришь, дойдешь, джигит, – улыбнулся в ответ горец и, разворачивая коня, громко, так, чтобы слышали его попутчики, добавил: – Живи спокойно, Елисей. Мой род в твой дом не придет больше. Это тебе я, Махмад-ходжа, обещаю.

– Ас-салам, – только и нашел, что ответить Матвей.

– Джигит, урус! – расхохотался горец и прищипорил коня.

– Чего это он такой радостный уехал? – раздался спустя несколько минут вопрос, и Матвей, провожавший гостей задумчивым взглядом, развернулся к бабке.

– Получилось с ним правильно поговорить, – устало вздохнул парень. – Зато слово дал, что из его рода к нам больше никто не придет.

– Да ты никак ему его бандитов бесплатно отдал, – вдруг вскинулась бабка.

– За коней сто рублей взял, а тела отдал, – кивнул Матвей.

– Ай да внучок, ай да хитрюга! – рассмеялась Степанида. – И честь свою показал, и внакладе не остался.

– Откуда чести взяться, ежели мертвыми врагами торговать? – не понял Матвей и, почувствовав слабость, прислонился плечом к воротине.

– Ты чего, внучок? – всполошилась бабка, заметив его состояние. – Неужто поплохело?

– Немного, – нехотя признался парень. – Я домой пойду, бабушка, – отдышавшись, сообщил он. – Тяжело еще мне.

– Ступай, милый, ступай, – закивала Степанида, пытаясь подхватить его под руку.

– Я сам, бабушка. Ты лучше скажи, как Никандра хоронить будем?

– Да как обычно. Домовину ему сыны давно уже сколотили. Вот мы с Парашей его и обмоем, и закопаем, и молитву прочтем, как умеем. Что ж поделатъ, ежели попа в станице нет. Добрый казак Никандр был. Так что сделаем все, как полагается, – заверила бабка, помогая ему перебраться через тын.

– Спасибо, бабушка. Ты иди, я тут посижу малость, – вздохнул Матвей, тяжело опускаясь на лавку.

Очередной приступ слабости оказался весьма некстати, но организм после болезни все никак не мог вернуться в нормальное состояние. Степанида, убедившись, что с ним все будет нормально, поставила свое ружье к стене и моментально куда-то унеслась. Вообще, Матвея иногда поражала сила и работоспособность этой пожилой женщины. По ее собственному признанию, бабке было уже около семидесяти, а она умудрялась крутиться по дому и перемещаться по двору со скоростью электровеника.

– Да уж. «Были люди в наше время, не то что нынешнее племя: богатыри – не вы», – припомнил он строки из поэмы. – Тут бабка старая шустрит как заведенная, а ты словно развалина кряхтишь, – укорил он себя. – Ладно, что дальше делать станем? – задал он вопрос самому себе и, помолчав, ответил:

– Первым делом себя в порядок приводить. И попутно по всем хатам все полезное собирать. Неприятно, но надо. А еще нужно под себя хоть какой-то транспорт придумать. Если придется отсюда уходить. С голыми руками ты в дороге легкой добычей станешь. В общем, думай, Матвей-Елисей. Головой думай, а не остальными частями тела. И еще. Раз уж попал сюда, начинай привыкать к новым реалиям. Начни с собственного имени. Забудь, что ты Матвей. Теперь ты Елисей Кречет. Казачий сирота, от болезни память потерявший. На том и стой.

Приняв решение, он облегченно усмехнулся и, откинувшись на стену, прикрыл глаза. В этом блаженном состоянии его и застала бабка, вернувшаяся часа через два. Присев рядом с ним на лавку, она устало потерла поясницу и, вздохнув, тихо пожаловалась:

– Едва управились вдвоем. В домовине тяжелый уж больно оказался. Едва не уронили. Ну да справились. А ты у меня как, внучок?

– Жить буду, – привычно отшутился Елисей и едва не выругался в голос за собственную глупость.

– Ну и слава богу, – улыбнулась уголками губ бабка, не обратив внимания на его слова. – Сейчас отдышусь и на стол накрою. Вечерять уж пора. Стемнеет скоро.

– Не спеши, бабушка. Посиди, передохни, – посоветовал парень. – Поестъ и при лучине можно. Мимо рта ложку не пронесу. Ты уж прости, но сама видишь, помощник из меня еще тот. Кто бы самому помог, – извинился он, виновато усмехнувшись.

– Да господь с тобой, внучок. Где это видано, чтобы казак в доме хозяйничал, когда баба на ногах? – возмутилась Степанида.

– Так вроде говорят, что мужик все уметь должен, – попытался выкрутиться Елисей.

– Одно дело уметь, а другое – самому возиться. Нет, внучок. Дом – это бабье дело, – не уступила бабка.

– Что-то я запутался, – подумав, признался парень.

– А ты вон Домострой почитай, чтобы путаницы не было. Ты ж в грамоте у батюшки первым был. И церковный, и греческий текст читал легко. А Домострой на старом языке и

писан, которым теперь только в церкви пишут. А книжку я тебе принесу, – пообещала бабка, поднимаясь.

– Грамотные тут казаки были, – буркнул про себя Матвей.

Степанида вернулась, неся в руках увесистый фолиант в деревянном переплете. Аккуратно положив его на колени, парень расстегнул замок и, раскрыв книгу, удивленно хмыкнул. С первого взгляда было понятно, что написана она вручную, на старославянском, или церковно-славянском, как его стали называть в его время. С интересом перелистывая страницы, он неожиданно понял, что может разобрать написанное и понимает смысл прочитанного.

Это открытие Матвея обрадовало. Получается, что память бывшего владельца этого тела у него осталась. Это не могло не радовать. Ведь если постараться, то можно будет все это потихоньку вытянуть на поверхность и пользоваться, не особо опасаясь попасть впросак. Полное незнание местных реалий его напрягало больше всего. Если здесь, с бабкой еще можно было сослаться на болезнь, то в большом мире это может и не прокатить.

Увлечшись, он и сам не заметил, что на улице почти стемнело. От книги его оторвал только голос бабки, позвавший парня ужинать. Закрыв книгу, он прошел в дом и, аккуратно убрав книгу на полку, присел к столу. Быстро смолотив полную тарелку каши с кусочками сала, он напился чаю и, прошлепав в свой закуток, рухнул на лежанку, уснув едва не раньше, чем успел улечься.

* * *

Утром Матвей проснулся удивительно бодрым. От вчерашней слабости и следа не осталось. От души потянувшись, парень выбрался из постели и, сунув ноги в мягкие чуваки, отправился к колодцу. Вылив на себя ведро воды, он охнул от холода и, постукивая зубами, поспешил в дом. Растеревшись домотканым полотенцем, Матвей не спеша оделся и, разглядев на столе накрытую полотенцем посуду, обрадовался.

– Золотая бабка. Сама чуть свет умчалась, но про завтрак не забыла, – буркнул он, впиваясь зубами в широкую краюху хлеба.

Быстро уничтожив хлеб и крынку свежего молока, он выбрался во двор и задумчиво осмотрелся. Хворост, принесенный бабкой из лесу, требовал рубки. Прихватив топор, он взялся за дело. К обеду все три вязанки превратились в готовые к употреблению дрова. Вошедшая во двор Степанида, увидев его за делом, одобрительно улыбнулась и тут же, противореча сама себе, заявила:

– Что ж ты надрываешься, внучок? Едва вчера ноги таскал, а сегодня уже за работу ухватился. Полежал бы еще.

– Все в порядке, бабушка, – улыбнулся ее логике Матвей.

– Да где ж в порядке, – не унималась бабка. – Едва жив остался, и все не утомонишься.

– Некогда отдыхать, – помолчав, вздохнул парень. – Сама ж говорила, зима тяжелая будет.

– Это да, – насупившись, мрачно кивнула женщина.

– Ну так чего тогда голосить? – подвел итог Матвей, перерубая очередную хворостину. Одну из последних. – Нам еще по домам пройти надо. Мне порох нужен. И свинец.

– Ты словно на войну собираешься, – тихо проворчала Степанида.

– Не собираюсь, готовым к ней быть должен, – упрямо набычившись, ответил парень.

– Так я ж не спорю, – развела Степанида руками. – Ты лучше пока к Никандру в дом сходи. Наследник, чай. Не так соромно попервости будет, – вздохнула она.

Только теперь Матвей сообразил, что бабка морально не готова к такому действию. Для нее, всю жизнь прожившей по правде, войти в чужой дом и взять что-то без спроса, не просто запрет. Огромное табу, которое рушит все ее мировоззрение. Кивнув собственным мыслям, он отложил топор и, вымыв у колодца руки, решительно вышел со двора. Не спеша шагая по

пыльной улице, Матвей задумчиво оглядывался, пытаясь запомнить, где что полезное лежит. Умершим это уже не нужно, а им с бабушкой может и жизнь спасти.

Добравшись до нужного дома, он вошел во двор и, поднявшись на крыльцо, замер, собираясь с духом. Что ни говори, а переступить через собственные моральные принципы было непросто. Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в воду, Матвей потянул широкую дверь на себя и, пригнув голову, переступил порог. Дом встретил гостя тишиной. Гулкой, безответной. Зябко передернув плечами, парень обвел комнату быстрым взглядом и, увидев иконы в красном углу, неожиданно для себя перекрестился.

Медленно пройдясь по всем комнатам, Матвей заставил себя заглянуть во все сундуки и, найдя искомое, с облегчением усмехнулся:

– А дед-то запасливый был. Пороху килограммов пять запас. Свинца почти пуд. И где взял только?

Там же, в комнате, где стоял сундук, нашелся и целый арсенал различного оружия. Подумав, Матвей собрал все найденное и, разложив на кровати, хмыкнул:

– Столько не всякая арба за раз увезет. Ладно. Забираем припасы, пороховницы, а про остальное потом подумаем.

Уже выходя, он снова оглянулся на красный угол и, покачав головой, вышел. Матвей и сам не понимал, что его так зацепило, но на мгновение ему вдруг показалось, что лики с икон смотрели на него с потаенной надеждой. Уже стоя на крыльце, Матвей неожиданно почувствовал, что зябнет. Вздвигнув, он тряхнул головой и поспешил на улицу.

Оттащив все найденное, он заглянул к бабушке и, убедившись, что до обеда еще есть время, поспешил обратно. Пройдясь по дому Никандра, парень собрал все иконы и религиозные книги. Потом, выбрав один из сундуков, не самый большой, он вытряхнул из него все барахло и, закрыв крышку, попробовал его на вес.

– До церкви дотащить должен, – тихо проворчал Матвей и, вздохнув, поволок сундук к выходу.

На улице, взгромоздив сундук на спину и согнувшись в три погибели, он побрел к церкви. Дверь храма была не заперта. В станице вообще замками не замораживались. Двери церкви были закрыты на обычный крюк. Отбросив его, Матвей внес сундук и, поставив его на пол, перекрестился. Он и сам не мог бы объяснить, с чего вдруг занялся этим делом, что-то в душе подталкивало его к этим действиям. Перенеся сундук к боковой стене, он вернулся в дом Никандра и, подхватив все, что собрал, снова вышел.

Уложив иконы и книги в сундук, Матвей осторожно закрыл крышку и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь храма. Но стоило ему только развернуться, как парень замер, словно застигнутый за чем-то предосудительным. Перед церковью стояли две оставшиеся в живых старушки.

– Ты чего это затеял, внучок? – задумчиво разглядывая его, спросила Степанида.

– Да вот подумал. Про порох вспомнили, про свинец тоже. Про запасы всякие тоже не забыли. А вот иконы, что в домах висят... Не должны они просто так пропасть. А для икон лучшее место храм божий, – собравшись с духом, пояснил Матвей, смущенно пожимая плечами. – Да и книги тоже не должны.

– Вона как, – удивленно протянула бабушка Параша. – А ведь правду кажет малой. Про иконы-то мы и не подумали.

Потом, подойдя к парню, она решительно перекрестила его и, пригнув к себе его голову, троекратно расцеловала.

– Спаси тебя Христос, Елисей. Завтра сама по домам пойду, иконы собирать.

– Их не просто так собирать надо. Сундуки нужны, – принялся пояснять парень, но Степанида перебила его, решительно заявив:

– Елисей, уймись. Мы хоть и старые, но из ума еще не выжили. Поняли уж, как делать надо.

– Прости, бабушка, – тут же повинулся парень.

– Бог простит, – улынулась она. – Пошли домой. Обедать пора. Да и передохнуть тебе надо. Не оправился еще толком от болезни-то.

Ухватив Матвей за руку, словно неслуха малолетнего, она повела его домой. У колодца, велев умыться, старушка подала ему вышитый рушник и, усадив за стол, принялась кормить чуть ли не с ложечки. Такое внимание Матвея насторожило. Заметив его задумчивый взгляд, Степанида понимающе усмехнулась и, вздохнув, проворчала, неопределенно пожимая плечами:

– Вырос ты у меня, внучок. Совсем вырос. Вон как с иконами ловко придумал. А главное, правильно очень. Доброе дело придумал.

В ответ Матвей только вздохнул, не найдя, что ответить. Во всяком случае, на душе у него было спокойно. Впервые с того момента, как он оказался в этом времени. Невольно переводя взгляд в красный угол, он всмотрелся в писанные лики икон и, в очередной раз вздохнув, подумал: «Ну, хоть что-то у меня вроде правильно получилось».

После обеда Матвей уже более решительно двинулся в поиск по соседним домам. Брал только порох, свинец, иконы и, если находил, деньги. Иконы тут же относил в церковь, а все остальное должно было помочь им с бабкой выжить. Хотя бы до того момента, пока он не придет в себя и найдет себе занятие, которое будет их кормить. Съестными припасами занимались женщины. Матвей только помогал им вытаскивать горшки и ящики из подвалов.

На третий день этих поисков на подворье станичного плотника Матвей наткнулся на сарай, в котором тот хранил готовую доску. Обрадованно оглядев это богатство, парень тихо присвистнул и, покачав головой, проворчал:

– Вот и материал на толковый фургон. Осталось только придумать, из чего ему шасси сделать.

Словно в ответ на свои чаяния, уже на следующий день парень наткнулся на почти новую арбу и в том же дворе нашел тележные колеса. Новенькие.

– Блин, как ворожит кто, – бурчал Матвей, обходя арбу по кругу. – Эти колеса назад, а те маленькие, вперед, для поворота. Осталось все это в кучу собрать, да еще оси хорошие отыскать. Но с этим в кузню надо. Оси нужны железные. А то нагрузишь транспорт, а на первом же ухабе разгружать придется.

Говорить сам с собой он начал, когда принялся шарить по станице. Не так жутко было заходить в пустующие дома. Ведь еще недавно в них жили люди. Радовались, горевали, растили детей, да просто жили, а теперь они стоят пустые. Собрав все нужное, Матвей старательно закрывал каждый дом. Прикрывал окна ставнями и подпирал двери, словно отсекая все прошлое от того, что происходит в станице теперь. Да и не казалось при закрытых ставнях, что пустые дома смотрят на него с укором безжизненными окнами.

Спустя полторы недели такого режима последние обитатели станицы вдруг поняли, что больше ходить по домам смысла нет. Все, что было можно, уже собрано. Сообразив это, Матвей взялся собирать фургон. Натаскав во двор нужной доски, он забрал плотницкий инструмент и взялся за дело. Сухая до звона доска прекрасно обрабатывалась. Матвей изначально собирался делать нечто похожее на те фургоны, что использовали переселенцы в Америку.

Крепкий ящик, который при необходимости можно использовать вместо плота. Но вместо брезентового верха парень решил собрать передвижной дом. Сделать фургон полностью деревянным. Три метра длины, два ширины, с округлой крышей, дверью в задней стене и небольшими окошками на боковинах. Но все упиралось в оси для колес. В кузне подходящего железа не нашлось. Зато все в том же сарае плотника нашлось два дубовых бруса. Для чего он их хранил, осталось загадкой, но Матвей, после долгих размышлений, решил делать оси из них.

Это была еще та работенка. Брус сечением примерно двадцать на двадцать сантиметров пришлось распустить вдоль на четыре части и только после этого начать вырезать саму ось. Обточить высохший дуб самодельным инструментом задача не для слабонервных. А тут еще, вспомнив, как скрипели колеса у горской арбы, Матвей решил соорудить что-то вроде ступичного подшипника. Все из того же дуба. В общем, набив на руках кровавые мозоли и стерев мотом язык до самой задницы, он добился желаемого результата.

Смазанные дегтем колеса проворачивались на осях легко, словно по маслу. После долгих раздумий парень решил сначала собрать каркас на колесах и только потом установить на него сам кунг. Так он про себя называл свое сооружение. Но прежде надо было решить, как сделать переднюю ось поворотной. Это было самым сложным.

– Насколько все было бы проще, найдись тут подходящие железки, – ворчал про себя Матвей, ворочая куски древесины.

Ставить переднюю ось на один шкворень, чтобы вся нагрузка ложилась только на него, было глупо. Дерево плохо работает на смятие, и такая конструкция очень быстро сломается. Ось должна быть закреплена жестко. Поворачивать должны только колеса. С этой мыслью он и отправился снова в кузницу. Несколько стальных прутков толщиной примерно с его большой палец нашлись случайно. Осмотрев добычу, Матвей задумчиво хмыкнул и потащил добычу домой. Там, порывшись в сарае, куда снес все старое оружие, он нашел два старых пистолета и, вертя их в руках, проворчал:

– Пруты на шкворни, а стволы вместо петель. Замки оставлю. Пригодятся еще.

Идея заминировать подходы к станице его не покидала. В сараях и тому подобных хозяйственных постройках парень отыскал почти два десятка узкогорлых глиняных кувшинов. Аккуратно отбить горлышко, засыпать вовнутрь порох и мелкую гальку, а вместо запала использовать вот такой кремневый замок. Главное, прикрыть запальную полку, чтобы затравочный порох не отсырел. Веребочку к УСМ, и элементарная растяжка готова. Да, радиус поражения будет не больше пяти метров, но и это уже немало.

В их положении не до жиру. Если один род горцев отказался от походов в станицу, это не значит, что кому-то еще не придет в голову пошарить по опустевшим домам. С этими мыслями Матвей и вернулся к работе. Бабка Степанида, едва сообразив, что он задумал, только удивленно головой покачала, лишь однажды спросив:

– Когда ехать-то собираешься?

– Потом. Просто хочу, чтобы под рукой было на чем уехать, – осторожно пожал парень плечами.

– И куда пойдешь? – последовал следующий вопрос.

– Пока не знаю. Не думал еще.

– В крепость езжай, – помолчав, посоветовала бабка. – По тракту верст двадцать отсель к горам будет. Там и нравы попроще, и народ все больше наш. Не дадут сироте пропасть. Парень ты вырос рукастый, думать умеешь. Найдется тебе там дело по душе.

* * *

Напильник с противным визгом елозил по стволу, заставляя Матвея, морщиться от этого звука. Но работы парень не бросал. Найденный в одном из домов еще один штуцер сначала его порадовал, а потом заставил крепко выругаться. Как выяснилось при детальном осмотре, оружие было весьма потрепано. Ствол от среза сантиметров на десять треснул, а приклад вообще топорщился щепой. Повертев винтовку в руках, Матвей пару раз приложил ее к плечу, ну, как получилось и, подумав, негромко хмыкнул:

– А ведь из тебя удобный карабин получится. Ствол малость обрезать, приклад новый вырезать, под себя, и очень даже оборотистая штука получится. А главное, заметно легче. В лесу ему цены не будет. Кстати, и калибр тут поменьше вроде, – добавил он, заглядывая в ствол.

Ореховое ложе с прикладом уже было готово и покрыто лаком, найденным все в том же плотником сарае. Так что теперь Матвей старательно приводил в порядок саму винтовку. Первой его мыслью было сделать себе оружие под унитарный патрон, но вспомнив, что отлить или выточить гильзы ему просто не из чего, отказался от этой мысли. Без серьезного станочного парка это дело было не поднять.

Появившаяся рядом с его лавкой бабка несколько минут удивленно наблюдала за его работой, после чего, не удержавшись, удивленно проворчала:

– А чего это ты решил доброе оружие изуродовать. Сменил бы приклад, и всего делов.

– А ты глянь сюда, – усмехнулся Матвей, разворачивая ствол так, чтобы ей была видна трещина.

– Ох, ты ж беда, – охнула бабка. – Штуцер-то хороший.

– Ничего. Сейчас вот так его обрежу, новый приклад прикреплю, и будет толковое оружие, – усмехнулся парень.

– Да где ж толковое, ежели короткое такое будет. Едва длинней пистоля. Это куда ж с него стрелять.

– Ну, шагов на сорок он точно добьет. А в лесу больше и не надо, – пожал Матвей плечами. – Лес – не степь. Там далеко стрелять некуда. Да и легче он будет, а значит, управляться с ним ловчее.

– Ишь ты. Ловко удумал, – оценила его новаторство бабка. – И, правда, казаки в лес с собой только пистолы всегда брали. Ружья это уж так, для большого боя.

– Вот и я так подумал, – кивнул парень, возвращаясь к работе.

Треугольный напильник снова визгливо зашкрябал по стали, а Степанида, присев на лавку, тихо вздохнула:

– Эх, рыбки бы сейчас жареной.

– Были бы снасти, я б на рыбалку сходил, – понимающе кивнул парень.

– Так есть снасти. У того же Никандра есть, – вспомнила бабка. – Он до рыбалки очень охочий был. Сходил бы к нему, посмотрел.

– Схожу, – решительно кивнул Матвей. – К ужину схожу. А пока это доделать надо. Если найду снасти, на зорьку за рыбой пойду.

– В сенях посмотри. У него там целый ящик всякой снасти был. И готовые удочки тоже там стояли, – припомнила она.

– Посмотрю, – пообещал Матвей, про себя добавив: «Мне в дороге потом удочки тоже пригодятся. А вообще, к переезду нужно готовиться серьезно. Инструмент весь собрать. Оружие тоже. Брать только огнестрел буду. Белое оружие здесь обычно именное. Нарвешься на родственника, головняка будет мама не горюй».

– Ты потом еще раз по домам пройдишь, – вдруг тихо посоветовала бабка.

– Зачем? – не понял Матвей.

– Собирай все, что продать можно будет. Тебе выжить надо, внучок. А то добро уж не нужно никому. Что было нужно, уехавшие забрали. А бросишь, пропадет попусту, – грустно вздохнула женщина. – Я тебе потом черкеску новую пошью. Штаны. А сапоги потом сам себе стачаешь новые. Кожи у деда в сундуке заberi. Там их много, – всхлипнув, продолжила она.

– Ты чего, бабушка? – всполошился Матвей и обнял ее за плечи, прижимая к себе. – Я ж сказал, без тебя никуда не поеду. А дальше – как бог даст. Ты лучше скажи, у тебя холстины всякой много?

– А зачем тебе? – моментально насторожилась бабка.

– Одежку особую сделать себе хочу.

– Это какую? – удивилась Степанида.

– Такую, в которой человека в лесу в двух шагах от себя не разглядишь, – принялся пояснять Матвей, вспомнив о такой полезной штуке, как маскхалат.

– Да ты никак воевать с кем собрался! – тут же вскинулась бабка.

– Нет, бабушка. Воевать я не хочу, но готовым ко всему нужно быть, – вздохнул Матвей, возвращаясь к работе.

– Добре. Найду тебе холстины, сколько скажешь, – подумав, кивнула женщина.

Поднявшись, она отправилась в дом. Матвей же, продолжая работать, вернулся к своим мыслям.

«Так. На чем я остановился? Так, инструмент, оружие собрать огнестрельное. Хотя из холодняка тоже можно кое-что прихватить. Нужно только смотреть, чтобы оружие не именное было и в неприметных ножнах. М-да, ситуация. С одной стороны, перед людьми неудобно, а с другой – права бабка. Кому нужно было, уже увезли. А если вся семья вымерла, то пропадет все просто. Вон, скотину всю с началом эпидемии выгнали за околицу, а птицы еще много осталось», – усмехнулся он про себя, припомнив пару эпизодов во время своих походов по станице.

В нескольких дворах обнаружились куры с цыплятами, несколько уток и даже пара гусей, которые встретили неизвестного грозным шипением. Нашелся даже один индюк. Этого бабка с ходу отправила в печь. Благо птица было крупная, и им на троих хватило надолго. Тетку Парашу приходилось брать в расчет постоянно. Пожилая женщина с трудом передвигалась, хотя и старалась не отставать от Степаниды в хозяйственных делах.

За раздумьями Матвей и сам не заметил, как умудрился отпилить кусок ствола. Глухо брякнув, обрезок упал на землю. Обрадованно усмехнувшись, парень прижал ствол коленом к лавке и принялся обрабатывать срез. Заровняв край, он аккуратно снял заусенцы и, повертев получившийся обрезок в руках, прибрал его в сундук. Теперь можно было заняться рыболовными снастями. Выйдя на улицу, Матвей прошел в уже знакомый дом и, пошарив в сених, нашел сразу три удочки и широкий ящик с плотно прилегающей крышкой, в котором и нашлось все необходимое для толковой рыбалки.

Похоже, старый казак и вправду был большим любителем посидеть с удочкой. Снасти были сделаны тщательно, по-хозяйски. Одобрительно хмыкнув, парень аккуратно прикрыл за собой двери и отправился домой, успев по дороге как следует рассмотреть готовые удочки. Удилища были вырезаны из орешника, а леска сплетена из конского волоса. Кстати, в ящике лежал моток такой же лески.

Увидев его добычу, Степанида радостно улыбнулась и позвала внука ужинать, пообещав поднять с рассветом. Понимая, что ей, как и ему самому, курятина уже поперек горла встала, Матвей покорно кивнул и, умывшись, уселся за стол. Разбудила его бабка и вправду, едва начало светать. Зевая и зябко поеживаясь, парень умылся и, быстро смолотив краюху свежего хлеба с еще теплым, парным молоком, отправился к речке, не забыв проверить состояние своего оружия.

Выходить из дома вооруженным уже стало для него такой же привычкой, как надевать утром штаны.

Пройдя в дальний конец станицы, Матвей перемахнул через ограду и углубился в перелесок. Небольшая быстрая речка с прозрачной ледяной водой всегда изобиловала рыбой. Откуда у него это знание, Матвей так и не понял, так что попросту отнес его к тем, что остались от бывшего владельца тела. Найдя небольшую запруду, он уселся на берегу и, размотав удочки, принялся рыбачить. Червей парень накопал еще прошлым вечером.

К его удивлению, клевать начало почти сразу. Спустя полчаса на кукане висело три караса размером больше его ладони. Увлечшись, Матвей не сразу сообразил, что в соседних кустах что-то шуршит и тихо похрюкивает. Но когда оттуда же раздался негромкий взвизг, парень

выронил удочку и выхватил из кобуры пистолет. Из кустов прямо на него вывалился молодой подсвинок. Понимая, что в его нынешнем состоянии даже этот зверь может стать опасным противником, парень плавно сместился за дерево.

Благо зрение у кабана слабое. Зато нюх похлеще, чем у собаки, напомнил себе Матвей, глядя, как животное вскинуло пяточок и принялось принюхиваться.

– Килограммов под восемьдесят зверь потянет, – оценивал парень потенциальную добычу. – Только бы развернулся малость. Мне шевелиться нельзя. Уйдет сразу.

Усилив воли сдерживая нервный тремор в руках, он медленно, буквально по миллиметру поднял ствол пистолета и навел его так, чтобы выстрелить сразу, как только кабан немного развернется. Словно в ответ на его мольбы, зверь сделал пару шагов вперед, к тому месту, где парень недавно сидел с удочкой, и, как следует принюхавшись, начал медленно разворачиваться. Выбрав момент, Матвей нажал на спуск.

Пистолет грохнул, и кабан, громко взвизгнув, припал на передние колени. Бросив пистолет, Матвей выхватил второй ствол и, прицелившись в точку между глазом и ухом, снова спустил курок. На этот раз зверь медленно завалился на бок и забился в агонии, взрывая землю острыми копытами. Бросив разряженный пистолет, Матвей, выхватил бебут, который постоянно носил на поясе за спиной, и, обежав тушу, с размаху всадил кинжал кабану под лопатку, разрубая сердце.

Дернувшись еще пару раз, зверь затих. Старательно очищая кинжал от крови, Матвей только удивленно головой качал, не веря собственной удаче. Но теперь вставал вопрос, как дотащить тушу до дому. Припомнив, что в сарае лежит старое колесо от тачки, он огляделся и, заметив пару подходящих деревьев, принялся сматывать удочки. Проверив, как держатся в кобурах перезаряженные пистолеты, парень поспешил домой. Отдав карасей бабке и рассказав ей о добыче, он прихватил колесо, веревку и поспешил обратно.

Срубив пару жердей, Матвей насадил колесо на ось и, привязав к ней жерди, принялся увязывать добычу. Последним куском веревки он увязал рукоятки получившейся тачки и, накинув эту веревку себе на шею, взялся за рукоятки. В станицу добычу он притащил, обливаясь потом и чувствуя, как от напряжения кровь гудит в ушах. Бабка, увидев, что он притащил, принялась охать и костерить парня за излишнее напряжение, при этом глаза ее лучились гордостью и одобрением.

Вдвоем они подвесили тушу за домом, и Степанида, отправив его снова рыбачить, принялась точить длинный нож.

– Бабушка, может, этим удобнее будет? – спросил Матвей, протягивая ей бебут.

– От дурень, – беззлобно выругала его женщина. – Это ж оружие. А мне нож по хозяйству нужен. Запомни, Елисей. Кинжалом такие вещи можно только в походе делать. Забыл, как батя тебя учил оружие уважать? – наставительно закончила она, ловко перерезая кабану горло.

– Ну, как скажешь, – не стал спорить Матвей и, прихватив удочки, отправился снова на речку.

– Ты только не долго, – напутствовала его бабка.

– В полдень буду, – пообещал Матвей, выходя на улицу.

То ли и вправду ему везло, а то ли рыба пошла на кабанью кровь, которая натекла в заводу, но рыбалка получилась на славу. Натаскав еще десяток карасей, дюжину красноперок, пару небольших щук и одного сомика, он вернулся домой, чувствуя себя победителем. Еще не дойдя до своего плетня, Матвей почуял умопомрачительный запах жарящейся с луком свинины. Женщины уже успели разделать и разрубить тушу, и теперь бабка Параша тщательно промывала требуху.

– Присядь, передохни, внучок, – скомандовала бабка, отбирая у него добычу. – Сейчас обедать станем. Я мясца нажарила. Параша вон пирогов с вареньем принесла. Сама с утра с тестом возится. Сейчас вон требуху промоет, и мы с ней колбаску затеем.

Удивленный ее многословием, Матвей настороженно покосился на бабку и только тут сообразил, что она просто гордится им. По сути, все было правильно. Ведь по местным меркам он еще недоросль. Подросток, который еще требует пригляда взрослых. А тут и сам по ремеслу всякому возится, и рыбки наловил, и кабана добыл. В общем, везде герой. Усмехнувшись собственным мыслям, Матвей присел на лавку у крыльца и, вытянув ноги, расслабился, чувствуя, как ноют натруженные с непривычки мышцы.

«Нужно срочно приводить эту тушку в порядок, – лениво подумал парень, прикрывая глаза. – Иначе потом беды не оберусь».

* * *

Несмотря на все свои ежедневные трудовые подвиги, тренировки Матвей начал, опираясь на свои предыдущие знания, постепенно увеличивая нагрузки. К его удивлению, тело, доставшееся ему, хоть и было жилистым, гибким, выносливым, но при этом ни о какой гимнастике и понятия не имевшим. А самое главное, парню никак не удавалось хоть немного набрать вес, чтобы перегнать его в мышечную массу. И это при том, что ел он уже за двоих. Без шуток. Такими порциями, что подавала ему бабка, можно было накормить двух здоровых мужиков. А тут не в коня корм.

Даже Степанида отметила этот факт, подивившись, что парень, несмотря на кормежку, остается все таким же тощим. Теперь Матвей повадился регулярно ходить на рыбалку, разнообразив их стол. Единственное, что радовало, так это состояние головы. Болеть она перестала, а приступы слабости накатывали все реже. А самое интересное, что в памяти начали всплывать многие местные словечки и названия. Сами по себе, без всяких усилий со стороны самого Матвея.

Вот к чему он никак не мог привыкнуть, так это к новому имени. Дошло до того, что Матвей начал даже в мысленных диалогах называть себя местным именем, регулярно повторяя себе, что однажды проколовшись, может нажить серьезные проблемы. В общем, в один прекрасный день он дал себе слово, что отныне будет обращаться к самому себе только местным именем. Что удивительно, это принесло некоторое облегчение в восприятии окружающего. Словно прежний владелец тела до этого момента упорно сопротивлялся наличию неожиданного соседа. А теперь, когда тот смирился с неизбежным, все встало на свои места.

Тренировки Елисей проводил в станице. Уходя со двора, он объявлял бабке, что отправился искать что-то, что может ему понадобиться в будущем, и, выбрав укромный уголок, принимался за издевательство над самим собой. Кусок жердины, брошенный между двумя деревьями, заменил перекладину. Лавка – скамейку для качания пресса, ну, а отжимания можно делать где угодно. Одновременно с этим он начал растягиваться и отрабатывать приемы рукопашного и ножевого боя.

В этом времени на огнестрел еще полагались не особо. Любая схватка часто сводилась к бою холодным оружием. И вот тут запросто можно было нарваться на настоящих виртуозов. Научить его владеть шашкой или саблей было некому, а вот на ножах или кинжалах он и сам мог кому угодно сюрприз преподнести. А раз так, то и надо сделать свои недостатки достоинствами. Плохой кавалерист? Значит, нужно стать хорошим разведчиком и следопытом. Они верхом ездят мало. Тут в основном все нужно ножками обходить.

Не умеешь орудовать шашкой, значит, в бою действуй сразу двумя кинжалами. Тем более что и выбор у тебя весьма неплохой. Прямые кинжалы, изогнутые бебуты. Хочешь, используй обе пары отдельно, хочешь, комбинируй. Вдобавок к кинжалам Елисей принялся подбирать

толковые клинки для изготовления нескольких метательных ножей. Благо выбор у него был. А кожи в домах нашлось столько, что роту в кожаную одежду одеть можно.

Пользуясь такой возможностью, парень попутно сшил себе подходящую разгрузку, португую под пистолеты и начал подумывать об изготовлении гранат. Старых оружейных замков у него было много. Даже больше, чем стволов. В основном, правда, кремневые, но переделать их под капсюль было не сложно. Главное, инструмент толковый найти. Ну, или хотя бы кузницу с толковым кузнецом.

Спустя пару недель такого режима его усилия оказались замечены бабкой. Умываясь у колодца, Елисей растирался полотенцем, когда заметил ее удивленный взгляд. Быстро осмотрев себя, парень оглянулся через плечо и, сообразив, что Степанида рассматривает именно его, насторожился.

– Чего? – не понял парень, продолжая оглядывать себя.

– В плечах раздаваться начал, – покачала головой женщина. – Весь в отца. Тот тоже поначалу словно хвощ тощий был, а потом в одно лето так раздался, что я замучилась одежду перешивать. А все одно, кожа да кости. Никак не откормить тебя, – удрученно вздохнула она. – А чего ты там из кожи делать затеял? – неожиданно сменила она тему.

– Да под оружие разное сбрую. Чтоб всегда под рукой было, – туманно пояснил Елисей, натягивая рубаху, которая и вправду уже трещала в плечах по швам.

– Внучок, а ты с косой-то теперь справишься? Хоть недолго? – снова сменила бабка вектор своих интересов.

– Ну, должен, – удивленно протянул парень.

– Вот и славно. Завтра с утра в поле пойдем. Нужно пшеницы накосить, пока вся не осыпалась. Сеять мы точно не сможем. А хлебушек нужен, – пояснила она свое решение.

– Конечно, – решительно закивал парень.

Утром, прихватив косу-литовку, они все втроем вышли к озимому полю. Окинув его задумчивым взглядом, Елисей тоскливо вздохнул про себя и, поплевав на ладони, взялся за дело. Пройдя одну полосу по краю, он двинулся в обратную сторону, когда Степанида остановила его, с улыбкой заявив:

– Внучок, ты не забывай, что с тобой не девки молодые, а бабки, с которых уже песок сыплется. Разошелся. Дай бог с тем, что накосил, управиться. Да и не унести нам столько зараз. Передохни пока. А еще лучше с Парашиного двора тачку прикати. И мешки прихвати.

– Во-во, – тяжело разгибаясь, поддержала ее старушка. – Они там, на лавке у крыльца сложены. Ой, маменька, грехи мои тяжкие. Спина уж совсем не гнется, – пожаловалась она и, противореча собственному заявлению, тут же принялась ловко вязать снопы.

Пока Елисей ходил в деревню и катали тачку, женщины успели собрать все скошенное в снопы и со-скирдовать их рядом с дорогой.

– Укладывай, а мы увязывать станем, – скомандовала Степанида, кивая на ближайшую скирду.

Чтобы вывезти все собранное, пришлось сделать три ходки. Конечно, основная часть груза это будущая солома, но и зерна с этого захода оказалось немало. Обмолотить снопы оказалось легче всего. Колосья уже перестояли в поле, и созревшее зерно легко осыпалось при любом резком движении. Пользуясь возможностью, Елисей превратил работу в очередную тренировку. Например, молотьбу он превратил в работу с цепом, как с оружием. Бабки только охали и головами качали, когда увидели это безобразие.

Но Елисей продолжал делать свое дело, совмещая сразу два занятия. К концу обработки парень чувствовал себя так, словно это не он молотил, а его использовали вместо макивары. Дождавшись окончания, женщины быстро провеяли зерно и, рассыпав его по ларям, объявили окончание работ.

– Внучок, а чего это тут было-то? – поинтересовалась Степанида, лениво обмахивая лицо косынкой. – Я ж сказала молотить, а ты колотил. Да еще так, словно не снопы оббивал, а дрался с кем.

– Да я тут подумал, что такой штукой, – тут парень кивнул на цеп, стоявший у стены, – ежели как следует вдарить, то никакая шашка не поможет. Главное, попасть.

– Нашел новость, – отмахнулась Параша, рассмеявшись. – Так еще батюшка мой, царствие ему небесное, от горцев в поле отбивался, было дело. Один троих положил. Они с пиками да с саблями, а он с цепом. У толкового казака любая палка – оружие.

– Вот я так и подумал. Потому и решил попробовать, – тут же согласился Елисей и, чтобы сменить тему, спросил: – Может, вам водицы холодной принести?

– Посиди, внучок. Сейчас отдохнимся, и все вместе к дому пойдем. Там и умоемся, и напьемся. Да и не нужно с жару ледяное пить. Только потом изойдешь.

– А чего ж тогда пить? – не понял парень.

– В жару чай горячий пить надо, – наставительно пояснила Параша. – Горцы завсегда так делают. А турки, те кофе пьют. Горячий, да шибко сладкий. И водой холодной его запивают.

«Ага. Значит, эти фишки тут хорошо известны, – отметил про себя парень. – И не только горцам и туркам, но и жителям предгорий. Хотя чему удивляться. Они тут веками бок о бок живут. Что называется, взаимная интеграция в действии».

Сразу после ужина Елисей завалился спать, чувствуя, как ноют натруженные за день мышцы. В подобном режиме они провели всю следующую неделю. Только спустя этот срок парень вдруг понял, что они втроем умудрились убрать целое поле. Зерно, ссыпанное в мешки и лари, растащили по амбарам и облегченно перевели дух. Им троим этого запаса хватит на пару лет регулярного использования. К удивлению Елисея, зерна было действительно много. Похоже, год оказался урожайным.

Закончив с зерном, парень вернулся к своим делам. Точнее, подготовке к возможному будущему отъезду. Затянувшаяся история с изготовлением поворотного механизма для фургона подошла к своему логическому завершению. Просмоленный и покрашенный фургон стоял во дворе, сверкая стеклами окон. Елисей постарался сделать так, чтобы запрячь в него можно было и одного коня и пару. Достаточно было переставить одну и убрать другую оглоблю.

Сбрую, хомуты, дугу, вожжи парень собрал по дворам, отобрав самое лучшее и на всякий случай натерев кожу жиром. Глядя на его подготовку, Степанида только одобрительно кивала, потихоньку горько вздыхая. Зная ее опаску, Елисей аккуратно прибрал все приготовленное в фургон. Затащил туда все, что не должно было потребоваться ему в ближайшее время, и, закрыв дверь, громко объявил:

– Всё! Теперь пускай стоит, до времени.

– А запрягать в него кого станешь? Кочета с гусем или нас с Парашей в оглобли загонишь? – тут же поддела его бабка.

– Придет время, и об этом подумаю, – отмахнулся парень.

– Не надо было всех коней горцам отдавать, – подумав, неожиданно заявила бабка. – Там пара меринов добрых была. Тебе в упряжку в самый раз были бы.

– А кормить их чем? Тут даже перековать их некому, – решительно возразил Елисей.

– А чего их ковать? – фыркнула женщина. – Горцы своих коней подковывают, только когда в долины спускаются. А в горах на некованных ездят.

– Почему? – растерялся Елисей, который и понятия не имел о таких тонкостях.

– Так в горах от росы камни скользкие. Железо по ним как по льду скользит. А голое копыто у коня шершавое. Даже на мокром камне удержаться может, – пожалала плечами бабка. – Ты чего, внучок, неужто не все еще вспомнил? – насторожилась женщина.

– Не все, – скривился парень. – Я считай, ничего не вспомнил. Живу, словно по течению плыву, – нехотя пожаловался он.

– Ох ты ж горяшко! – всхлипнула бабка. – А я, дура старая, гляжу, ты с ремеслом ловко управляешься, штуцер вон переделал, да и решила, что ты вспомнил всё.

– Ремесло, бабушка, руки вспомнили, – принялся пояснять Елисей, обнимая ее за плечи. – Сама ж говорила, у бати все в руках спорилось. Вот я и решил, пусть оно само идет, как получится. Ну и получилось как получилось, – закончил он, уже жалея, что завел этот разговор.

– Ловко получилось, – всхлипнув, улыбнулась бабка.

– Ну, не так и плохо, – поскромничал парень.

– Не дури, Елисей. Штуцер у тебя получился – загляденье. Даже мне с ним управляться легко. А уж я хоть и умею с него стрелять, а все одно всегда пистоли больше любила. Ружья в отдаче уж больно тяжелы.

– Так я тебе самые легкие пистолеты и отобрал, – напомнил парень, мысленно возвращаясь к вопросу об оружии.

Местные дульнозарядные образцы его совсем не радовали. Их круглые пули, несмотря на нарезы, все равно летели не далеко и быстро теряли в скорости. По сути, их можно было приравнять к обычным охотничьим ружьям его времени. Но раз нельзя было решить вопрос с унитарным патроном, значит, надо искать и пробовать экспериментировать с пулями. Вспомнив, что видел в кузнице большой лист жести, Елисей хмыкнул про себя, вспомнив одну игру из собственного детства.

Обрезанная пробка от шампанского, кусочек пластилина и пара птичьих перьев. На стене рисовалась мишень, и подобные снаряды бросались в нее на меткость. Вот тебе и отправная точка. Что, если оперить обычную для этого времени круглую пулю? Да и вообще попробовать изменить ее форму. С этими мыслями он и отправился к столу. Степанида использовала любой повод, чтобы в очередной раз накормить парня до отвала. Похоже, его вес стал для нее очередной идеей фикс.

* * *

Очередной выстрел сбил с валуна деревяшку, и Елисей, довольно усмехнувшись, принялся прочищать ствол штуцера. Его пули оказались весьма занятной придумкой. Три жестяных пера, которые он вплавлял в тело пули во время отливки, придавали ей устойчивость в полете, что заметно прибавляло дальности. В итоге из своего укороченного карабина он запросто бил на расстояние, которое покрывала обычная пуля, грубо говоря, из стандартного оружия. То есть обычного штуцера.

Этот факт не мог не радовать. Короткое, оборотистое ружье, способное дотянуться на расстояние, доступное длинному стволу, это серьезный аргумент в лесу или горах. А воевать парень собирался именно в этих условиях. Почему воевать? Да просто потому, что умел делать лучше всего он именно это. Да и как объяснишь кому-то, что знания свои получил не у какого-то мастера, а в прежней жизни. А имя мастера, у которого учился, в этом времени значит многое. Вплоть до того, получишь ли ты заказ.

В общем, Елисей готовился к долгой жизни в попытках не привлекать к себе внимания. Это сейчас ему было весьма удобно. Чуть что не так, тут же скроил жалостливую физиономию и скорбно вздыхаешь – не помню. Благо бабка, выхаживавшая его, отлично знает, что парень едва удержался на краю могилы, и вопросов не задавала. Но это сейчас, а вот потом вопросы могут появиться у многих.

С этими мыслями Елисей снова зарядил карабин и, подойдя к валуну, принялся устанавливать очередную мишень. Но не успел он вернуться на рубеж открытия огня, как где-то в перелеске раздалось пронзительное конское ржание. Метнувшись в сторону, парень укрылся за ближайшим деревом и всмотрелся в зеленку. Из кустов вылетел высокий каурый жеребец

и сломя голову понесся к станице. Следом за ним выехали трое всадников и, увидев беглеца, с гиканьем понеслись следом, нахлестывая коней.

«Так, горцы кого-то гонят. А парень молодец, в седле как приклеенный сидит», – оценил Елисей, наблюдая за этой сценой.

Один из преследователей привстал в стременах и принялся выцеливать беглеца. Тот, словно почувствовав угрозу, припал к конской гриве, разом уменьшив свой силуэт.

– Похоже, придется класть всех троих, – мрачно проворчал Елисей, вскидывая карабин.

Его выстрел прозвучал за долю секунды до того, как преследователь спустил курок. Пуля Елисея вынесла стрелка из седла. Бросив карабин, парень выхватил пистолет и успел выстрелить до того, как ближний к нему всадник развернул на него ружье. Третий выстрел достал еще одного преследователя, который уже пытался развернуть коня. Подбежав к упавшим, Елисей кинжалом произвел контроль и, переведя дух, принялся обыскивать тела.

Отбежавшие от этого людского безобразия кони принялись щипать траву, и Елисей, присмотревшись, отметил про себя полные переметные сумы на них. Сложив все найденное оружие в стороне, парень отловил коней и задумчиво почесал в затылке. В прошлый раз за тела бандитов ему предложили хорошие деньги. Надеяться на это было бы глуповато. Кто знает, откуда они сюда примчались и где их родичи. Вполне возможно, что эти самые родичи объявят его кровником. Тогда им всем тут кисло придется.

Сняв с тел все, что имеет хоть какую-то ценность, Елисей загрузил добычу на коней и, вскочив в седло, отправился в станицу. За шанцевым инструментом. Бросать тела, пусть даже и бандитов, рядом со станицей было неправильно. В последнее время дикое зверье, осмелев, начало появляться на самой границе станицы. Так что, оставив падаль, запросто можно привлечь хищников. Не стоит забывать, что в местных лесах медведя встретить совсем небольшая проблема. А это зверь весьма серьезный.

Стрельбище Елисей себе устроил между станицей и перелеском, где протекала речка. Так что дорога у него не должна была занять много времени. Тем более верхом. Но уже за поворотом тропы парень натянул повод. Беглец, за которым и гнались горцы, лежал в траве, а каурый жеребец стоял над ним, тихо пофыркивая. Елисей соскочил с коня и, перекинув повод, бросил его на землю. Так собранные в цуг трофейные кони не уйдут. Подойдя к жеребцу, парень осторожно протянул ему левую ладонь, давая себя обнюхать, и только после этого присел над лежащим.

Беглец лежал лицом вниз, так что промокшую от крови бекешу Елисей увидел сразу. Взяв незнакомца за плечо, он аккуратно перевернул его на спину и приложил пальцы к артерии на шее, попутно всматриваясь ему в лицо. Юное, с правильными, тонкими чертами лица. Изящные, словно девичьи руки с тонкими музыкальными пальцами. Фигурка тонкая, словно тростинка.

«Похоже, совсем еще мальчишка», – подумал Елисей, старательно нащупывая пульс.

К его радости, сердце еще билось, но без экстренной помощи это продлится не долго. Распоров кинжалом одежду, парень кое-как рассмотрел рану на боку беглеца и удивленно покачал головой. Похоже, мальчишке крупно повезло. Пуля прошла через правый бок, чуть выше тазовой кости, не зацепив печень и почку. Судя по ране, проскользнула почти под кожей. Просто мальчишка потерял много крови. Оторвав от его же рубашки длинную полосу, Елисей туго перетянул рану, останавливая кровь, и осторожно поднял мальчишку на руки.

Голова беглеца откинулась, и из-под упавшей папахи соскользнули две тугие, иссиня-черные косы.

– Мать твою, ты ж девчонка! – охнул Елисей и, удивленно потряхнув готовой, решительно шагнул к кауруму.

Жеребец стоял спокойно, позволяя ему уложить тело девчонки через седло, только недовольно фыркая от запаха крови. Привязав его повод к цугу, парень вскочил в седло и повел

всю кавалькаду к станице. Его появление Степанида встретила с ружьем в руках. Хотя она и не любила их, но при любой опасности начинала именно с него. Увидев раненую девочку, бабка заохала и тут же принялась командовать.

Занеся беглянку в баню, Елисей наносил воды и, поставив чугунок на огонь, отправился обратно к месту стычки, прихватив лопату и попутно передав бабке Параше, что Степаниде нужна ее помощь. Оттащив тела подальше в сторону, он принялся копать одну могилу на троих. Спустя три часа, углубившись почти на полтора метра, благо земля мягкая, он стащил в яму все три тела и, накрыв им лица папахами, принялся засыпать могилу. Заканчивал он уже в сумерках. Вернувшись в станицу, парень устало умылся у колодца и, забирая у бабки рушник, тихо спросил:

– Как она?

– Крови много потеряла, – вздохнула бабка. – Ежели антонов огонь не случится, выживет. Но рану мы, как сумели, вычистили и травами присыпали. Порохом прижигать не стали. Девчонка все-таки. Ее шрамы не украсят.

Слушая бабку, Елисей молча кивал, попутно вспоминая, что в этом времени и вправду была такая варварская операция в отсутствие рядом толкового медика и нормальных медикаментов. Открытую рану, чтобы избежать воспаления, посыпали порохом и поджигали. Сгорая, порох прижигал рану, но перенести подобное мог не каждый. Мысленно содрогнувшись, Елисей в очередной раз кивнул и, оглядевшись, удивленно спросил:

– А кони где?

– Так в конюшне уже, – рассмеялась Степанида. – Не переживай. И выводила, и напоила, и расседлала. Кони добрые. Особо каурый. Хороших кровей лошадь, – произнесла она так, что парень сразу понял, что в ее устах это высшая похвала.

– Каурый ее, – улыбнулся парень. – Я вот только не понял. Она же горянка, а в мужской одежде верхом носится. Как так? Да еще и с одним пистолетом. Я когда ее нашел, у нее на седле только одна кобура была, и пистолет в ней разряженный. Только кинжал еще небольшой. И куда родители смотрели?

– Есть у них в некоторых родах обычай такой, – помолчав, припомнила бабка. – Пока девочка в девичью пору не вошла, ее, как мальчишку, воевать учат. Сам видел, там от девицы только косы одни. Ни фигуры, ни стати еще нет. А вот как подрастет, да наливаясь станет, так всё. Дома на женской половине закроют и станут учить дом да хозяйство вести. Но зато и за дом свой эти девчонки дерутся не хуже мужчин.

– Странный обычай для мусульман, – проворчал Елисей, почесывая в затылке.

– Да они басурманами только называются да муллу в ауле имеют, – рассмеялась бабка. – А обычай этот у них остался еще с тех времен, когда они идолам поклонялись. Да и то сказать, обычай-то добрый. Женщины у них, как у нас казачки, завсегда мужей своих оружием поддерживать готовы. Эх, женить бы тебя на ней, – вдруг лукаво улыбнулась она.

– Куда ей замуж? – едва не рухнув на месте, возмутился Елисей. – Ребенок еще. Сама говорила.

– Ну, так сговориться и теперь можно, – пожала плечами Степанида.

– А жить где? Одним в пустой станице? Или мне, потому что рода казацкого, прикажешь в горский клан идти? – сделал вид, что возмутился, парень.

– А тут твоя правда, внучок, – грустно вздохнула женщина.

– Как думаешь, искать ее станут? – сменил парень тему.

– Так уже, небось, ищут. Раз гнались за ней, значит, где-то бой был. Подождать надо. Я так мыслю, родичи по следу пойдут.

– Много в горах следов найдешь, – фыркнул Елисей.

– Не скажи, внучок. Горцы след хорошо читают. Не все, конечно, но опытные воины знают, куда смотреть. Ты завтра сведи каурого на речку. Искудай. У него бок в ее крови, – посоветовала бабка.

– М-да, подкинул я тебе заботы, – повинился парень.

– Господь с тобой, Елисей, – отмахнулась Степанида. – Даст господь, горцы за ней придут да за спасение тебя кунаком примут. Все потом тебе легче будет. Кунак у них – это почитай брат родной. Ни почто не предадут.

– До этого еще дожить надо. Как бы ее преследователи раньше не явились, – скривился Елисей, которому воевать с целым кланом не хотелось от слова совсем. Слишком силы будут неравны.

– Пойду, Парашу сменю, – подхватила бабка. – А ты ужинать ступай. Я тебе в твоём закутке накрыла.

На лавке. Негоже парню рядом с больной девчонкой быть.

– Ладно, – покорно согласился Елисей, не очень понимая, при чем тут ужин и раненая девчонка. Какая связь?

Несмотря на усталость, он до блеска вылизал миску каши и, запив ее парой чашек горячего чая и раздевшись, завалился спать. Проснувшись с первыми лучами солнца, парень первым делом, сразу после завтрака, отправился обихаживать коней. Выведя их из конюшни, он перевел всю пятерку на соседний двор и, черпая воду из колодца, принялся отмывать и вычищать их. Приведя весь гужевой транспорт в порядок, он вычистил денники и, застелив полы свежей соломой, завел коней.

Выручали умения прежнего владельца тела. Похоже, до болезни юный казак и вправду всерьез готовился пойти по стопам отца. Во всяком случае, с оружием и конями он управлялся вполне ловко. Теперь эти умения накладывались на знания Матвея, что привело к серьезным успехам. Особенно в том, что касается огнестрельного оружия. Управившись с конями, парень принялся крутиться по хозяйству. Дров нарубить, воды бабке наносить, сено для козы поворошить. В общем, забот хватало. Особенно теперь, когда в хозяйстве появилось аж пять коней.

Благо горские кони неприхотливы и способны обходиться одним сеном. Овес они получали только в походах. Но удивляться тут нечему. Попробуй вырастить что-нибудь на горном склоне, который сначала нужно элементарно очистить от камней перед вспашкой. Каторжный труд. Потому горцы и не занимаются земледелием почти. Просто негде. Есть, конечно, кланы, которым повезло и на их территории есть несколько плодородных клочков земли. А что остальным делать?

Вспомнив про коней, Елисей в очередной раз вздохнул и, подхватив косу, отправился на луг. Беда бедой, а кормить животину надо. Тем более что бабка была абсолютно права. Коней ему достались действительно хорошие. Молодые, здоровые. А главное, словно специально, две пары. Два жеребца и две кобылы. Хотя именно этот момент Елисея слегка настораживал. Обычно для нападения горцы использовали мерин.

Более сильные и спокойные, они не реагировали, если чуяли рядом кобыл, так что не раскрывали засаду раньше времени и не создавали своим седокам проблем. В общем, многое в этом деле было непонятным. Но больше всего Елисея удивляла погоня за девчонкой. Зачем было ее ловить, если она по их обычаям еще не считается невестой? Похищение ради выкупа, или в горах что-то затевается? В общем, как всегда, вопросов много, а ответов нет. Остается только ждать, когда беглянка придет в себя.

– Блин, а если она по-русски не говорит? – спохватился Елисей. – Вот это будет засада. Получится, ты ей про Ивана, она тебе про болвана. Ладно, поживем – увидим. Надеюсь, бабулька моя и тут выход найдет. Вот уж у кого поучиться стоит. Кремень бабка, – с улыбкой похвалил он родственницу, ритмично взмахивая косой.

* * *

Следующие четыре дня прошли спокойно. Елисей занимался своими делами, попутно экспериментируя с оружием. Даже умудрился сделать в опустевшей кузнице новую пулелейку под свой карабин. Чего ему это стоило – отдельная баллада. Бабка, как-то проходя мимо, услышала его высказывания, и потом сутки сторонилась парня, каждый раз крестясь и укоризненно качая головой. С трудом помирились.

Сделал он и отливку для утяжеления рукоятей метательных ножей. Пустив на это дело старые кинжалы, которые нашел в сундуках в брошенных домах, Елисей сбил с них рукояти и, немного сточив лезвия клинков, обмотал черенки веревкой из конского волоса. Три аркана он взял с убитых им горцев. Потом эти веревки были обтянуты чехлом из мокрой кожи. Высохнув, она обтянула рукояти, делая их удобными в руке. В итоге парень получил десяток обоюдо-острых ножей, с клинком примерно двенадцать сантиметров и рукоятью без гарды. Окончание рукояти было утяжелено двумя свинцовыми пластинами, которые держались за счет отверстия в черене под клепку.

Обычно рукояти на кавказских кинжалах держались на двух заклепках, и только позже, с развитием технологий, мастера стали применять резьбовые соединения. Но и то не всегда. Этим Елисей и воспользовался, переделывая их в метательные ножи. Бабка, увидев новшество в его арсенале, только охнула и руками развела. Сам же Елисей только многозначительно посмеивался. Впрочем, парень отлично понимал, что вдаваться в подробности при обсуждении таких новшеств означает выдать себя с головой.

Он и так то и дело косячил, путаясь в местных реалиях или выдавая на-гора знания, которых у подростка просто не могло быть. Чего только стоило его изобретение фургона. Здесь таким транспортом не пользовались. Поэтому пришлось врать, что вспомнил чей-то рассказ о цирке. Ведь подобные фургоны использовались именно там. И именно воспоминание о передвижных цирках навели парня на эту работу. Выслушав его, Степанида задумчиво хмыкнула и, неопределенно пожав плечами, махнула на это дело рукой.

Придумал и придумал. Тут других забот хватает. А на пятый день в себя пришла девчонка. Вернувшись с сенокоса, Елисей умывался у колодца, когда бабка выскочила из дома и, подскочив к нему, с заговорческим видом сообщила:

– Утирайся и со мной ступай. В себя пришла твоя красавица, – поддела она удивленного парня.

– Ну и хорошо, – проворчал парень с заметной растерянностью. – А я-то тебе зачем?

– Так она спрашивает, кто ее спас. Вот и хочу тебя ей показать.

– Бабуль, ты чего удумала? – подумав, осторожно поинтересовался Елисей.

– Удумаешь тут, – отмахнулась бабка. – Просто хочу, чтобы она лицо твое как следует запомнила. Она одна у отца дочка. А он в ней души не чает и балует. В общем, даст бог, будет у тебя потом клан, где завсегда укрыться можно.

– Чего-то я не понял, – помолчав, признался Елисей. – А зачем мне укрываться? И от кого?

– А на всякий случай, – буркнула в ответ бабка, волоча его за собой на буксире.

Они вошли в дом, и бабка, юркнув за занавеску на своей половине, спустя несколько секунд выскочила обратно и, жестом позвав парня за собой, слегка отодвинула занавеску.

– Ас-салам алейкум, – поздоровался Елисей, войдя.

– Алейкум ас-салам, – пискнули ему в ответ.

Присмотревшись, Елисей понял, что девчонка лежит, укутанная одеялом до самого подбородка с косынкой, повязанной так, что видно было только лицо.

– По-русски понимаешь? – негромко поинтересовался парень.

– Да.

– Хорошо. Как тебя зовут?

– Гюльназ.

– Цветок, значит, – кивнул Елисей. – Красивое имя. Расскажи мне, Гюльназ, кто за тобой гнался и зачем? Только не рассказывай, что это кунаки твоего жениха тебя похитить хотели. Рано еще. Так что расскажи правду. А то я же не знаю, кто тебе друг, а кто враг. Начну со всеми подряд воевать, греха не оберемся.

Девчонка вздохнула, словно признавая его правоту, и, чуть скривившись, тихо поведала:

– Это были воины из клана кровников отца. Хотели схватить меня и заставить отца прийти туда, куда им надо. Мы с братьями в гости ездили и уже домой возвращались, когда они напали. Братья с ними драться стали, а мне велели уезжать. Мой Карагез сильный конь. Быстрый. Он долго бежать может. Они поняли, что не могут меня догнать, и стали стрелять.

– А почему ты в предгорья поскакала, а не к дому? – тут же спросил парень.

– Они на тропе засаду устроили. Не пройти было. Вот и пришлось бежать. Думала, ускачу от них, а потом кружным путем обратно вернусь. А они стрелять стали.

– Это твоего каурого Карагез зовут? – помолчав, уточнил Елисей.

– Да. Как он? В него не попали? – вскинулась девчонка.

– Цел он, – усмехнулся парень. – На конюшне стоит. Хороший конь, – сделал он приятное девочке.

– Да. Он на две трети крови аргмак. Отец его мне еще жеребенком подарил, – улыбнулась девчонка с заметной гордостью.

– Я понял, что он твой друг, – кивнул Елисей. – Когда ты упала, он не убежал, а стоял над тобой. Хорошо, что защищать тебя не кинулся. Иначе я бы не успел тебя сюда привезти.

– Отец учил его меня защищать, – задумчиво протянула девочка.

– Ну, кони звери умные. Значит, понял, что я тебе помочь хочу, – пожал Елисей плечами. – Ладно. Отдыхай, лечись. Только скажи, как отца твоего зовут. А то приедут люди, а я и не знаю, кому можно сказать, что ты жива, а кому нет.

– Отца зовут Арслан. А братьев Нурлан и Аслан.

– Хорошо. Я запомню, – кивнул парень. – А ты хорошо по-нашему говоришь. Где научилась? – спросил он, уже собираясь уходить.

– У отца кунак есть, из ваших, – улыбнулась девочка. – Я у них в гостях часто бываю. Вот у его жены и детей и научилась.

– А кунака как звать? – заинтересовался Елисей.

– Ефим Степанович Нагайкин. Он в станице Ручьевке живет.

– Это хорошо. Ежели что, можно будет ему восточку передать, – задумчиво проворчал парень и, попрощавшись, вышел.

– Бабушка, ты про таких Нагайкиных из Ручьевки слышала? – спросил он, найдя бабу в сарае.

– И Ручьевки, говоришь? – задумчиво переспросила бабка. – Помню таких. Добрые люди. Дед у них подьесаулом из реестра выписался. Ногу в бою потерял.

– А далеко до этой самой Ручьевки? – не унимался парень.

– Верст пятьдесят за Пятигорском будет.

– М-да, не ближний свет, – задумался парень.

– А ты чего это всполошился? – насторожилась бабка.

– Да девчонка сказала, что тот Нагайкин, Ефим Степанович, кунак ее отца. Вот и подумал, может, ему восточку подать, что жива она. А то родичи, небось, уже и похоронили дочку.

– Не спеши, внучок, – подумав, качнула бабка головой. – Ищут они ее. Просто времени еще мало прошло. А вот ежели через седмицу не появится никто из клана ее, тогда и можно будет съездить в ту Ручьевку.

«Хренасе, у них тут разбег по времени, – удивился про себя Елисей. – Так, блин, окочуришься где под кустом, а они только через месяц искать начнут. Хотя время тут другое. Неторопливое. Это даже у всех классиков описано было», – напомнил он сам себе.

– Да ты не забудь еще, что про мор в станице нашей вся округа знает. Потому никто и не едет в нашу сторону. Думают ведь, что вымерла станица. Что дома пустые стоят, – между тем продолжала бабка.

– Как же, не знают, – фыркнул Елисей. – Небось, уже в каждом ауле знают, как мы тут с горцами сцепились. А то, что мора бояться, это да. Возможно.

– Ты лучше скажи, зачем тебе ножей столько? – вдруг сменила бабка тему, кивая на его перевязь, которую Елисей носил на себе постоянно, чтобы привыкнуть.

– Так из ружья или пистолета раз выстрелил, и все. А ежели врагов много? – принялся пояснять парень. – Тут они и пригодятся.

– И что делать станешь? – не поняла бабка.

– Бросать, – коротко пояснил Елисей.

– Что, неужто научился? – удивилась Степанида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.